

А.Н. Рыжкова

«МУЧЕНИК ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ СЛАВЯНСТВУ»

Воспоминания дочери протоиерея Николая Рыжкова

Публикация приводит воспоминания Ариадны Николаевны Рыжковой о своем отце — протоиерее Николае Рыжкове, настоятеле храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах в 1901–1914 гг. В 1968 г. в «Журнале Московской Патриархии» (№ 2. С. 73–75) было опубликовано краткое эссе о протоиерее Николае, но оно носило справочный характер и отличались сухостью изложения. Публикуемый текст является полным вариантом ее воспоминаний, отличается живостью стиля, написан простым, правильным русским языком, сохранившим дореволюционную мелодику. Быт семьи русского священника, портреты титулованных особ и исторических деятелей, жизнь наших соотечественников за границей, увиденные глазами ребенка, по-новому откроют для читателя ушедшую эпоху, добавят новые сведения биографам, помогут осмыслить события бурного начала XX века.

Ключевые слова: протоиерей Николай Рыжков, Карловы Вары, храм святых апостолов Петра и Павла, Австро-Венгерская империя, Первая Мировая война, Чехия, Прага, Петроград.

Предисловие к публикации

115 лет назад, в 1897 г., в городе Карловы Вары состоялось освящение храма в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Этот чехословацкий курорт издавна привлекал к себе путешественников из России, а к началу XX в. количество отдыхающих из Российской империи достигло своего максимума. Уже в середине XIX в. стало понятно, что в месте такого скопления русских обязательно должно совершаться

Подготовка текста к публикации и примечания диак. А. Тепляшина.

Диакон Андрей Тепляшин — кандидат богословия, клирик храма Казанской иконы Божией Матери, г. Тосно, Ленинградская обл.

православное богослужение, что люди, находящиеся вдалеке от Отчизны, должны получать молитвенную поддержку и защиту. Реализация идеи строительства православного храма в Карловых Варах началась еще в 1862 г., но воплотиться она смогла лишь к 1897 г. Как отметил в слове на освящение храма его первый настоятель протоиерей Александр Лебедев, «русский православный карловарский храм — достояние, святая отрада, успокоение и радость каждого православного в Карловых Варах; он — защита и опора каждого русского в этом курорте; он же и первая святая забота для всех нас православных русских в Карловых Варах!»

Особое место в истории храма занимает протоиерей Николай Рыжков, бывший его настоятелем в течении 13 лет с 1901 по 1914 гг. Это человек, при котором храм не только стал еще краше (в 1903 г. были перекрыты медью четыре малых купола, а в 1908 г. крыша храма была перекрыта оцинкованным железом), но и превратился в центр духовной жизни. При нем в помещении под храмом была создана библиотека с читальным залом, в которую граф М.М. Толстой пожертвовал книги русских классиков. После каждого воскресного или праздничного богослужения отец Николай приглашал всех прихожан к себе домой на обед. Протоиерей Николай Рыжков являлся также настоятелем храма святителя Николая в Праге и по поручению Всероссийского посольства в Вене выполнял обязанности консула.

Жизнь отца Николая была яркой и насыщенной, а под конец — и во многом трагичной. К счастью, узнать о ней мы можем не только из сухих журнальных статей. Дочь протоиерея Николая, Ариадна Николаевна Рыжкова, оставила для нас ценнейшие мемуары, писавшиеся ей на протяжении сорока лет. Из них мы узнаем о детстве, юности отца Николая, о явном Божием промысле, направившем его на священническое служение. В своей пастырской деятельности отцу Николаю приходилось сталкиваться с различными людьми, вплоть до высочайших особ, и их краткие, но выразительные бытовые портреты помогают составить более полные представления о них, рельефнее рисуют исторический фон эпохи. В конце концов, перед нашими глазами проходит вся жизнь пастыря, со всеми ее скорбями и радостями. О стойкости, с которой протоиерей Николай пережил обрушившиеся на него с началом первой мировой войны нечеловеческие тягости, повествует нам его дочь.

Сама Ариадна Николаевна свою жизнь связала с Чехословацкой республикой. Здесь она стала оперной певицей и регентом церковных хоров. Главным для Ариадны Николаевны стал храм святителя Николая Чудотворца в Дейвицах, где она была регентом и самой активной прихожанкой.

Ариадна Николаевна умерла в 1985 г. Долгие годы ее воспоминания об отце хранились у члена русской общины города Праги, сотрудницы Славянской библиотеки Елены Ивановны Мусатовой. В 2011 г. Елена Ивановна передала эти воспоминания мне. Думается, в опубликованном виде они станут ценным материалом не только для

историков и биографов, но и для простого читателя, поскольку помогают окунуться в эпоху конца XIX – начала XX вв., увидеть ее глазами свидетеля описываемых событий, проникнуться его переживаниями, стать на недолгое, но увлекательное чтение, членом семьи протоиерея Николая.

В публикуемых мемуарах орфография и пунктуация машинописного текста максимально сохранена, исправления внесены только в местах, кардинально противоречащих современным правилам русского языка.

Диакон Андрей Тепляшин

* * *

Прага 4/3 — 1945 г.

I

В тяжелый 6-й год войны начинаю писать я свои воспоминания! Быть может, что задуманный мною труд пригодится кому-нибудь в будущем. Детей у меня нет, а потому и завещать мне свои воспоминания некому, но все же решаюсь писать... Уже давно я собиралась занести на бумагу все то, что, как мне кажется, может возбудить интерес у читающего эти строки. Сколько раз мне приходилось рассказывать о своей личной жизни, а также о жизни моих покойных родителей, и все в один голос говорили: «обязательно запишите все это: Ваша жизнь настолько интересна и необычна, что стоит того, чтобы все это увековечить на бумаге». — Покойная Александра Александровна Вельц¹, большой друг нашей семьи, горячая русская патриотка, мне однажды сказала: «Ляля, ты дочь великого человека, ты должна в своей жизни подражать ему и в своих поступках быть достойной такого отца!»

Сама я давно порывалась поделиться с возможными читателями моих записей в будущем, не столько своей личной жизнью, но, главным образом, жизнью и деятельностью моего покойного отца, протоиерея Николая Рыжкова, бывшего

¹Вельц Александра Александровна (1864, Одесса – 1942, Прага) — член русской диаспоры в Чехии, похоронена на Пражском кладбище в Ольшанах.

до первой мировой войны 1914 года, настоятелем православных церквей в Праге и в Карлсбаде², — человека незаурядного, с выдающимися способностями и эрудицией, обладателя прекрасного голоса, оставившего в сердцах всех, кто его лично знал, неизгладимое впечатление.

Рассказывать обо всем легче, чем писать, но, тем не менее, я решаюсь бесхитростно и просто передать все, о чем мне известно, и что я лично помню.

Помоги мне, Господи, закончить задуманный труд!

Итак начну с описания происхождения моих родителей.

II

Отец мой, Николай Николаевич Рыжков, сын бедного сельского священника, родился 26-го сентября 1868 г. (ст. ст.) в селе Борисовка, Грайворонского уезда Курской губернии³. В раннем детстве он потерял своего отца, который, в возрасте 33-х лет скончался от менингита, простудившись при исполнении какой-то церковной требы, кажется на похоронах, и оставил молодую вдову с 4-мя малыми детьми на руках: старшей дочерью Варей, средней — Юлей, сынишкой — Колей, и младшей — Марией. Тяжело было молодой вдове и пришлось ей отдать своего сына, в котором она души не чаяла, в ученье на казенный счет в Курскую духовную семинарию. В школе отец шел всегда первым учеником и выделялся своими способностями, своим живым темпераментом и выдающимися успехами по всем преподававшимся предметам.

Учителем его в семинарии был А.А. Бронзов⁴, будущий известный профессор Петербургской духовной академии, который настолько полюбил своего

²Karlsbad или Kaiser-Karlsbad; чешск. Karlovy vary — город в Богемии и один из знаменитейших курортов Европы. Расположен на высоте 374 м в узкой долине р. Теплы, окруженной высокими лесистыми горами.

³В настоящее время это поселок городского типа, административный центр Борисовского района Белгородской области России.

⁴Бронзов Александр Александрович (1858, Белозерск Новгородской губернии — 1919, по другим данным — 1937, Ленинград) — русский православный богослов. Учился в Белозерском духовном училище, Новгородской семинарии; затем окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, и защитил магистерскую диссертацию «Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности» (1884). После этого стал преподавателем Курской семинарии, а вскоре вернулся в Петербург. Преподавал греческий язык в Петербургской семинарии, а в 1894 г. принят в духовную академию. В 1897 г. ему было присвоено звание экстраординарного профессора (на кафедре нравственного богословия).

талантливого, шустрого ученика, что, однажды, подзвав его к себе, сказал ему следующее: «послушай, Коля, есть у тебя сестры? Я женюсь на твоей старшей сестре, чтобы породниться с тобой!» После утвердительного ответа состоялись домашние смотрины и сестра отца Юлия становится женой А.А. Бронзова, не смея и подумать отказаться от такой выгодной и почетной партии! Сколько слез пролила тогда бедная девушка и как она страдала от того, что ей пришлось выйти замуж за человека, совершенно ей незнакомого и чужого! Но мать дала свое благословенье на этот брак, радуясь одновременно тому, что удалось удачно пристроить хотя бы одну из трех дочерей-невест, а желание профессора породниться со своим любимым учеником — исполнилось!..

Итак, моя тетушка Юля стала женой Александра Александровича Бронзова и переехала с ним на жительство в С.-Петербург, где он получил профессуру в Духовной Академии по кафедре нравственного богословия, где прослужил вплоть до закрытия Петроградской духовной академии в годы революции.

От этого брака было две дочери: Тамара и Муза, — мои двоюродные сестры, которые трагически погибли в дни блокады города Ленинграда в 1942 году.

Семейная жизнь тети Юли протекала внешне довольно счастливо, — каковы же были отношения между супругами, — никто не знает, так как тетка обладала весьма замкнутым и очень скромным характером. Проф. А.А. Бронзов был выдающимся специалистом в области богословских наук, но в жизни большой педант и в некотором отношении большой оригинал: убежденный вегетарианец, не вкушавший никогда никаких мясных блюд, он в семейном кругу придерживался многих правил по «Домострою». Дядюшка Саша, Асадат, как его когда-то в детстве прозвала младшая дочь Муза и это прозвище осталось за ним в нашей семье, был добрейшей души человек, очень ласковый и внимательный к своей племяннице Ляле, которую он впоследствии очень часто навещал в институте, где она воспитывалась, и своей лаской и любовью заменял ей родителей, живших в те времена за границей, то есть в Праге Чешской.

Николай Рыжков, после окончания семинарии, был принят в качестве наилучшего ученика, в Киевскую духовную академию и проживал там в студенческом общежитии. В Киеве, во время своих студенческих лет, он давал частные уроки, помогал, чем мог, своей матери, занимался пением, так как обладал на редкость красивым тембром голоса и мечтал о дальнейшей карьере певца, дав матери обещание никогда не быть священником!

Однажды Николай Николаевич был приглашен одним из своих товарищей в ложу оперного театра на оперу «Аида» Верди. На этом вечере ему было суждено познакомиться с молодой пианисткой Ольгой Александровной Ярошевской, моей матерью.

Теперь несколько слов о матери: она была дочерью довольно состоятельного помещика Полтавской губ. и родилась в малом уездном городке Прилуках⁵. У нее было 3 старших брата, а сама она была младшей дочерью, обожаемой матерью. Будучи гимназисткой старшего класса она рано лишилась матери, которая умерла от горловой чахотки в возрасте 40 лет. Эту потерю моя мать очень тяжело переносила и на всю жизнь в чертах ее лица остались печальные, вдаль смотрящие глаза и строгое, без улыбки, выражение лица! Она мне когда-то говорила, что смерть матери ее настолько потрясла, что она даже хотела покончить жизнь самоубийством!

Что же унесло в могилу такую, еще сравнительно молодую женщину, — русскую красавицу, судя по оставшимся у нас фотографиям? Здесь таится какая-то большая душевная драма. Дедушка мой был человек весьма веселого, а быть может, и легкомысленного нрава. Азартный картежник, который и умер за карточным столом, играя в винт, часто проигрывавший свое состояние, лошадей и т.п., любивший приволокнуться за женщинами и т.д. Бабушка от этого, вероятно, много страдала и не раз уезжала из своего дома к соседям по имению, захватив при этом с собой свое любимое сокровище, свою хрупкую здоровьем дочурку Олю. Уедет, бывало, с ней за несколько десятков верст, а дед вслед за ней примчится с повинной и умоляет, чуть ли не на коленях, простить его и вернуться домой. Так было не один раз, и вот, в какой-то момент, наступает драма и моя бабушка решила уйти и вовсе из жизни. Был ли этому причиной очередной роман дедушки с экономкой, которая, возомнила себя «барыней», стала дерзить моей бабушке, или же что-нибудь другое, но во всяком случае, моя бабушка стала ходить зимой босиком по снегу до тех пор, пока не схватила горловую чахотку и... вот ее не стало, отчаянию деда не было границ: он бросает свое имение и уезжает в Киев, где поступает на какую-то должность. На руках у подрастающей дочери Оли все хозяйство и заботы об отце и трех

⁵Сейчас это город в Черниговской области Украины, центр Прилуцкого района.

братьях. Мать моя была очень музыкальна и в Киеве поступила в Музыкальную школу Пухальского по классу рояля⁶.

В описанный выше момент произошло знакомство двух молодых людей, в ложу Ярошевских вошел скромный студент: «пришел, увидел и победил», как говорится в каком-то произведении⁷. Надо сказать, что у моей матери было большое количество поклонников, претендентов на ее руку, товарищей и сослуживцев ее братьев, но никто из них не нашел отклика в ее сердце. Здесь же, в ложе, в весьма поэтичной обстановке, при пении прекрасного любовного дуэта Аиды и Радамеса в подземелье, — зародилось большое настоящее чувство, которое сыграло решающую роль в жизни молодой, но избалованной достатком и богатой обстановкой, молодой девушки. После состоявшегося знакомства отца пригласили в дом Ярошевских в качестве певца. Он много пел под аккомпанемент молодой хозяйки дома. Эти музыкальные вечеринки еще больше сблизили двух молодых людей, почувствовавших непреодолимое влечение друг к другу. После окончания курса Академии Н.Н. Рыжков сделал О.А. Ярошевской предложение и получил ее согласие к немалому удивлению и даже огорчению ее отца и старшего брата Володи, которые желали ей более подходящую и выгодную партию. Тем не менее, ничего не оставалось, как благословить молодых и пожелать им счастья и удачи в жизни. Со слезами на глазах снаряжал мой дед невесту и провожал молодых, которые после свадьбы уехали на жительство в С.-Петербург, где мой отец получил место правщика при Синодальной типо-

⁶Пухальский Владимир Вячеславович (21.3(2.4).1848, Минск – 23.2.1933, Киев) — пианист, педагог, композитор и музыкальный деятель, заслуженный профессор УССР (1928). В 1874 окончил Петербургскую консерваторию у Т. Лешетицкого (класс фортепиано), Ю. Иогансена и Н.И. Зарембы (класс теории композиции). В 1874–76 преподавал в Петербургской консерватории, с 1876 — в Киевском музыкальном училище (в 1877–1913 также директор). С 1913 профессор и первый директор (1913–14) Киевской консерватории. В 1877–88 входил в состав дирекции Киевского отделения Русского музыкального общества (заведующий музыкальной частью). Вел широкую концертную деятельность. Автор оперы «Валерия» (пост. 1923), «Украинской фантазии» для оркестра, фортепианного концерта, фортепианных пьес, романсов и др.

⁷На самом деле, слова «veni, vidi, vici» («пришел, увидел, победил»), как сообщает Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев», произнес Юлий Цезарь в 47 году до н.э., когда уведомил своего друга Аминция в Риме о победе, быстро одержанной им при Целе над Фарнаком, сыном Митридата.

графии⁸, а также преподавателя в Пиротехнической школе⁹. Избалованная дочь богатого помещика променяла хоромы на скромную меблированную комнатушку, но никогда в жизни об этом не пожалела...

С 1893 года начинается новая жизнь молодых супругов: меблированные комнаты, уроки пения и музыки, выступления на различных вечеринках и пр. Отец часто выступал в качестве певца на концертах (он брал уроки сольного пения у известной певицы, исполнительницы ролей Вани и Ратмира, Марии Николаевны Леоновой¹⁰, которую в свое время сопровождал в качестве аккомпаниатора в концертном турне по России композитор М.П. Мусоргский). Часто на этих вечерах отцу аккомпанировала мать, которая давала частные уроки музыки, так как заработки отца были не блестящи... Скромная, но весьма содер-

⁸Синодальная типография находилась в ведении Святейшего Синода, только в ней и в такой же московской типографии печатались Священное Писание и богослужебные книги для всей Российской Империи. При синодальных типографиях были учреждены «правильни» и при них «справщики», для наблюдения за правильностью печатания текста священных и богослужебных книг. Синодальная типография, по своему оборудованию, называлась образцовой, так как в ней были своя стереотипная, словолитня, брошюровочная и переплетная мастерские. Здание Синодальной типографии сохранилось и находится сейчас в Петербурге на ул. Правды, д. 15.

⁹В 1830 г. по указу императора Николая I при Охтинском пороховом заводе были учреждены две школы: начальная школа военных кантонистов и общая школа для трех казенных пороховых заводов России — «Школа для образования мастеровых и подмастерьев порохового, селитряного и серного дел». В 1852 году «Пороховую школу» преобразовали в «Пиротехническую школу». В 1863 году по предписанию Военного совета «Пиротехническая школа» была переименована в «Техническое и пиротехническое училище», куда принимались юноши с 14–18 лет. Программа обучения в училище была усовершенствована и содержала в себе некоторые новшества. В числе предметов были: общие понятия математической, физической, политической географии, всеобщая история, арифметика (дроби, пропорции, тройное правило), артиллерия (общие понятия об орудиях и разделение артиллерии на полевую, горную, осадную и т. д.), рисование, каллиграфия, геометрия, краткие понятия о составе материалов для изготовления пороха. К началу XX в. училище было преобразовано в Низшую ремесленную школу со столярными и слесарными классами. В настоящее время здесь находится СПбТУ-32.

¹⁰На самом деле, певицу звали Мария Карловна. Мария Карловна Леонова (23 августа (4 сентября) 1818, Рига – 22 июня (5 июля) 1912, Либава, ныне Лиепая (Латвия) — русская оперная певица (лирико-драматическое сопрано) и музыкальный педагог. Дочь дирижера и композитора Карла Эйзериха. Жена Леона Леонова (с 1836). В 1835–1842 солистка петербургского Большого театра (дебютировала в партии Алисы в опере Джакомо Мейербера «Роберт-Дьявол»), в 1842–1847 — московского Большого театра (дебютировала в партии Антонида в «Жизни за царя» Михаила Ивановича Глинки, став первой исполнительницей этой партии на московской сцене). С 1847 гастролировала в Германии. В 1866–1868 преподавала в Тифлисе (ныне Тбилиси), затем в Мюнхене, в 1885–1895 — в Петербурге. С 1895 жила в Либаве.

жательная и счастливая жизнь двух молодых супругов, любивших безгранично друг друга... Конечно, частым гостем у них был никто другой, как породнившийся с Н.Н. Рыжковым, профессор Ал.Ал. Бронзов, души в нем не чаявший.

Отец часто бывал в церкви Св. Синода, где пел на клиросе и читал Апостола. Своим прекрасным голосом он обратил на себя внимание помощника Обер-Прокурора Св. Синода Владимира Карловича Саблера¹¹, который пожелал с ним познакомиться. С тех пор между ними установились дружественные отношения, которые впоследствии очень повредили отцу в бытность его в австрийском плену и заточении, но об этом будет сказано позднее.

В 1895 г. открылась вакансия псаломщика при Венской Посольской церкви¹². В.К. Саблер предложил отцу это место. Отец колебался, но моя мать, мечтавшая о «загранице», уговорила его согласиться и принять это заманчивое, по ее мнению, предложение. Отец дал свое согласие, и молодые супруги Рыжковы в 1895 году покидают С.-Петербург и переселяются на жительство в г. Вену, столицу б. Австро-Венгерской монархии...

Кроме должности псаломщика отцу было предложено исполнение обязанностей секретаря Императорского Российского Консульства.

С этого времени началась новая эпоха в жизни Николая Николаевича Рыжкова.

III

Город Вена — столица Австро-Венгерской «лоскутной» монархии, как ее тогда называли; город, в котором мои родители начали новую жизнь, полную интересных и новых впечатлений.

Отец, будучи от природы человеком весьма энергичным, предприимчивым и любознательным, несмотря на две, занимаемые им должности, находит еще для себя время, чтобы записаться в число слушателей филологического фа-

¹¹ Владимир Карлович Саблер (1847, Тульская губерния – 8 сентября 1929, Тверь) — российский юрист; обер-прокурор Святейшего Синода (2 мая 1911 – 4 июля 1915).

¹² 23 октября 1893 г. по благословению митрополита Петербургского и Ладожского Палладия (Раева) состоялась закладка Свято-Николаевского храма. Строительные работы велись по проекту члена Академии искусств Григория Ивановича Котова итальянским архитектором Л. Джакомелли и были окончены в 1899 г. Освящение Свято-Николаевского собора было совершено 4 (17) апреля 1899 года архиепископом Холмским и Варшавским Иеронимом. Николай Рыжков, по-видимому, нес послушание еще в старом здании церкви на Вальфишгассе, 5.

культета венского университета. Он усердно посещает лекции, изучает многие славянские языки, выступает на концертах, так как голоса своего не забрасывает, и продолжает брать уроки пения у одной известной венской профессорши сольного пения, госпожи Брамейсль, которая души в нем не чаёт и пророчит ему блестящую карьеру оперного певца — тенора, говоря, что у него в горле «золото». Выступления отца на концертах, устраивавшихся различными славянскими кружками и обществами в Вене, пользовались всегда неизменным успехом.

В 1897 г. состоялось торжественное освящение вновь выстроенного на добровольные пожертвования русских курортных гостей, прекрасного храма св. апостолов Петра и Павла в известном мировом курорте Карлсбаде¹³. На это заграничное торжество православия съезжаются представители всего заграничного духовенства, а также большая делегация из России от правительствующего Св. Синода. Настоятель венской посольской церкви, протоиерей Александр Николаевский¹⁴ пригласил с собой, в качестве певца, чтеца и псаломщика, моего отца, Н.Н. Рыжкова.

В переполненном храме, где происходило торжественное богослужение, отец своим прекрасным голосом произвел на всех присутствовавших глубокое впечатление и завоевал симпатии бывшего тогда настоятеля Карлсбадской и Пражской православных церквей протоиерея Николая Апраксина¹⁵. Послед-

¹³По благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия (Раева), закладка храма состоялась 12 июля 1893 г. в день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Работы по его строительству возглавил архитектор Густав Видерманн. Посильную помощь в постройке храма оказывал Карловарский городской комитет. Архитектура храма, созданная по проекту академика Д.В. Ухтомского, соответствует принципам создания ярославских и московских церквей XVII в, с характерными особенностями русского храмового зодчества. Длина храма, включая колокольню, составляет 41 метр, ширина — 14 м, высота храма под куполом — 21 м, высота колокольни — 40 м. 28 мая 1897 г. величественный русский храм во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла был торжественно освящен митрофорным протоиереем Александром Лебедевым.

¹⁴Протоиерей Александр Николаевский был настоятелем в Вене вплоть до своей кончины в 1913 г. В Вену отец Александр был переведен из Ревеля (Таллинн) в 1885 г.

¹⁵Апраксин, Николай Петрович (1847–1907) — протоиерей, сын священника. Окончил курс в Санкт-Петербургской духовной академии. Изучив чешский язык, отец Николай издал в переводе на чешский язык: «Литургии св. Василия Великого и Иоанна Златоустого» (Прага, 1885–88), «Краткий христианский катехизис» (Прага, 1887), «Пространный христианский катехизис православно-кафолической церкви» (Прага, 1887), «Молитвы православного христианина» (Прага, 1888), «Канон св. Андрея Критского» и др. Большое значение имеет издание всего Нового Завета на церковнославянском и чешском языках в двух выпусках, напечатанных в Петербур-

ний, уже преклонного возраста, мечтавший идти на покой, искал себе заместителя и выбор его пал на моего отца, принимая во внимание его знание всех славянских языков (что в «лоскутной монархии», каковой считалась Австро-Венгрия, было очень важно), его дипломатические способности, энергию, духовное образование, голос и т.п. На предложение о. Апраксина быть священником и занять этот пост в Праге и Карлсбаде, отец ответил категорическим отказом, ссылаясь на высокий сан, к которому он, по его мнению, не был ни призван, ни достоин. Вероятно не малую роль в этом отказе сыграли два обстоятельства: 1) обещание, данное когда-то своей матери не быть священником, 2) перспективы службы по дипломатической дороге, где ему предназначалась блестящая карьера дипломата. В период между 1897–1900 гг. у моего отца завязалась оживленная переписка с настоятелем Апраксиным, который настойчиво продолжал его уговаривать стать священником и его заместителем в Праге и Карловых Варах, но на все его письма последовал определенный отказ. Кроме того, перед отцом открывалась еще одна возможность — посвятить себя серьезно искусству, то есть пению и стать оперным певцом по советам своего педагога. Но судьбе было угодно иначе решить дальнейший жизненный путь Николая Николаевича Рыжкова.

В 1899 г., после пятилетней супружеской жизни, родилась дочь, которую родители назвали Ариадной. Мать долго хворала и была вообще слабого сложения. Родители мои жаждали иметь ребенка, но несколько лет после брака были в этом смысле неудачными. Когда же пришло наконец матери время разрешиться от бремени, — в дом был приглашен известный врач-акушер, а роды протекали настолько тяжело, что жизнь матери была почти на волоске. Несмотря на то, что родители так мечтали о детях, отец мой, когда увидел, насколько тяжело было матери родить, в отчаянии умолял доктора спасти только роженицу и не обращать внимания на новорожденного младенца. Но, тем не менее, все обошлось благополучно, — кризис миновал, — и 29-го января 1899 г. в 1 ч. ночи Ариадна увидела свет! Неудивительно, что ребенок, с таким большим трудом появившийся на свет, стал в некотором роде кумиром и центром всей семьи! Родители обожали свое единственное дитя и дрожали над ним. В виду того, что после родов моя мать была больна и очень ослабела, отцу пришлось первое время

ге в 1892 и 1897 г. В основу чешского текста был положен старый перевод «Чешских братьев» (XVI в.), сверенный с греческим оригиналом, исправленный и по возможности сближенный с текстом церковнославянским.

исполнять материнские обязанности: как часто он ночами не спал, вскакивал, пеленал и кормил ребенка (у матери было недостаточно молока и я с первых месяцев своей жизни была переведена на искусственное питание), убаюкивал колыбельными песнями, нося младенца на руках по комнате: чаще всего он мне пел колыбельную песню «Ильинишны» (муз. Глинки)¹⁶ и в моих ушах до сих пор звучит его красивый, ласковый тембр голоса и следующие слова: «ходит ветер у ворот, у ворот Лялюшу (так меня с детства звали) ждет, не дождешься ветер мой, ты Лялюши дорогой, ай-лю-ли, ай-люли, ты Лялюши дорогой, ай-люли, ай-люли» и т.д. . .

Когда Ариадне исполнился год с лишним, она заболевает дифтеритом в очень тяжелой форме и жизнь ее была на волоске. В те времена еще не была известна противодифтерийная прививка, а потому заболевание этой болезнью

¹⁶Колыбельная Ильинишны (из трагедии «Князь Холмский»). Музыка М.И. Глинки, слова Н. Кукольника.

Ходит ветер у ворот, —
У ворот красотку ждет.
Не дождешься, ветер мой,
Ты красотки молодой.
Ай-люли, ай-люли,
Ты красотки молодой!
С парнем бегаешь, горит.
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня, дружок,
Нареченный муженек!»
Ай-люли, ай-люли,
Нареченный муженек!
Ох ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих, —
Без невесты стал жених.
Ай-люли, ай-люли.
Без невесты стал жених.
Ветер дунул, и Авдей
Полюбился больше ей...
Стоит дунуть в третий раз —
И полюбится Тарас!
Ай-люли, ай-люли,
И полюбится Тарас!

часто носило смертельный характер. Доктор Ворличек (венский чех), лечивший малютку, дал моим родителям понять, что положение почти безнадежное и на вопрос отца, придет ли он на следующий день, доктор намекнул, что до утра вряд ли ребенок выживет. Ребенок задыхался, метался в жару и отчаянию моих родителей не было границ.

Наступила критическая ночь, полная мук и страданий. В эту ночь, когда жизнь единственного любимого ребенка была в смертельной опасности, мой отец, по натуре весьма верующий человек, решил в горячих молитвах прибегнуть к помощи Всевышнего и Всемогущего Бога. Он всю ночь провел стоя на коленях перед кроватью умиравшей дочери и горячо молился, дав обет Богу, что, если ему удастся вымолить у Господа жизнь своего ребенка, то он в этом увидит указание свыше и посвятит свою дальнейшую жизнь на служение Богу. В горячей молитве, преисполненной глубокой верой, прошла эта мучительная ночь... Как он молился — этого никто не знает и никогда не узнает, это его тайна, которую он унес с собой в могилу. В то время как отец возносил свои горячие молитвы, моя мать, в соседней комнате, судорожно сжимала в руках кусочек яда — морфия, который она решила принять в случае смерти ее единственного ребенка, давшего ей с такими трудностями и потерю которого она не в силах была пережить!

Настало раннее утро и с первыми проблесками зари малютке стало легче, она, по-видимому, проглотила часть налетов, душивших ее, и перестала задыхаться. Дыхание стало ровнее, цвет лица принял более нормальный вид, а радости отца не было границ... Раздался в передней звонок и пришел доктор. Отец, в приподнятом настроении, подвел его к кроватке и доктор, увидев ребенка, развел руками и сказал по-немецки: «это чудо!» Тогда отец ответил ему следующими словами: «что невозможно вам, земным врачам, то Небесному Врачу все возможно»... Итак чудо горячей молитвы совершилось и отец тогда же во всем этом узрел для себя Божие Провидение. Он сказал, что вымолив у Бога жизнь своего ребенка, он видит в этом указание свыше свою дальнейшую жизнь посвятить служению Тому, Кто, в тяжелую минуту его жизни, таким чудесным образом проявил Себя. Одним словом горячие молитвы отца были услышаны и чудо исцеления безнадежно больного ребенка совершилось, а вместе с тем совершился и крутой поворот в жизни Николая Николаевича Рыжкова, так как судьбу его решила выздоровевшая малютка-дочь!

Еще не успела дочь окончательно оправиться после болезни, как мой отец немедленно написал письмо протоиерею Апраксину о своем согласии принять священнический сан; тот послал прошение об уходе на пенсию, отца вызвали в С.Петербург и все решилось с невероятной быстротой: отец один день был в сане диакона, а вслед за этим был посвящен во священника с назначением его на должность настоятеля православных храмов в Праге и Карлсбаде!

Возвратился Н.Н. Рыжков в Вену уже молодым священником, начались сборы и в начале июля 1901 года состоялся переезд нашей семьи в Карловы Вары.

Когда отец заявил своей преподавательнице пения, что идет в священники, то она расплакалась и с большим сожалением сказала ему, что готовила его к оперной сцене, где бы он, по ее словам, мог зарабатывать своим прекрасным голосом миллионы! Но сцена и вся театральная обстановка никогда не прельщала отца и он ей ответил в таких словах: «священник также должен иметь хороший голос для прославления Творца вселенной! пусть другие поют людям, я же буду петь Господу Богу моему дондеже есмь!»...¹⁷

IV

Отец Николай Рыжков — священник

Первое служение отца в сане священника было в Карлсбадском храме 21-го июля 1901 года в день праздника Казанской иконы Божьей Матери (8-го июля по старому стилю).

Храм был переполнен русскими курортными гостями, а также и любопытными иностранцами, которые часто заходили в церковь послушать наши церковные песнопенья и посмотреть на наши православные обряды.

Молодой священник, несмотря на свое естественное волнение, произвел на всех очень сильное впечатление, как своим проникновенным служением, так и своим прекрасным голосом, который особенно красочно выделялся при некоторых возгласах, — вроде «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся», или же «Вас, и всех православных христиан да помянет Господь Бог во царствии

¹⁷Пс 145:2.

Своем» при Великом Выходе, причем при слове «Вас», отец, набравши глубокое дыхание и филируя звуком, медленно обводил чашей со Святыми Дарами справа налево и затем медленно поворачивался и уходил в алтарь.

Красивому, торжественному первому служению отца немного помешал, а с другой стороны, внес маленькую комическую сторону, инцидент с его 2-х летней дочкой, которую мать решила взять с собой в церковь. Девочка стояла спокойно до тех пор, пока не открылись Царские Врата и она увидела в алтаре своего отца. Когда я впервые в жизни увидела своего отца в облачении, и в такой необычной обстановке, то это произвело на меня такое потрясающее впечатление, что я на всю церковь крикнула звонким детским голоском: «да ведь это мой папа в золотом платье, я пойду к нему»!.. и я рванулась к нему вперед и захотела бежать в алтарь! С криком и протестами с моей стороны, мать должна была меня вынести на руках из церкви, тщетно стараясь убедить меня, что в данный момент «к папе нельзя»!

Когда, после богослужения, отец пригласил всех русских прихожан к себе на чашку чая, — гости, с улыбкой говорили: «а мы знаем, батюшка, что у вас есть дочка, ведь она сама громогласно об этом всем в церкви заявила!»...

Этот обычай звать к себе на стакан чая после обедни всех, кто подходил прикладываться ко кресту, укоренился и практиковался во все время служения отца в качестве настоятеля Карлсбадской церкви. Сколько народу у нас перебывало — трудно перечесать! Были весьма знаменательные знакомства, встречи и разговоры. За столом иногда встречались люди, не знавшие ранее о том, что они родственники, встретились однажды братья, не видавшие друг друга 20 лет, и т. д. и т. п. Одним словом дом отца Николая Рыжкова в Карловых Варах стал центром, где приезжавшие на курорт русские встречались, знакомились, делились своими заграничными впечатлениями, а также часто получали полезные справки и информации.

Популярность отца, как устроителя и попечителя всех русских настолько возрастала с каждым годом, что многие русские курортные гости прямо с вокзала приезжали к нам с просьбой помочь им найти комнату и устроиться, так как многие из них не владели немецким языком. Очень часто приходилось помогать таким беспомощным соотечественникам, а иногда выручать их из беды или неприятных положений, в которые они иногда попадали, не будучи знакомы с местными законами и постановлениями о найме комнат.

Двери нашего дома были широко открыты для всех, кто нуждался в той или иной помощи, с утра до вечера визиты различных лиц не прекращались и жизнь кипела ключом. С течением времени, кажется, что не было ни одного уголка в России, где бы не знали или же не слышали об отце Николае Рыжкове в Карловых Варах в кругах, ездивших за границу на воды и курортное лечение!

Я помню, что с самого раннего возраста я старалась также подражать родителям и оказывать посильную помощь обращающимся к нам с просьбой людям и, благодаря знанию немецкого языка, часто вызывалась быть переводчицей.

Однажды со мной произошел такой случай: приехала на извозчике какая-то незнакомая русская дама прямо с вокзала с просьбой помочь ей нанять комнату, ибо она по-немецки не говорила. Отца не было дома, мать была занята по хозяйству, а потому я ей предложила свои услуги. Мне было тогда лет 7–8, и меня, вероятно, очень соблазняла мысль покататься с дамой на извозчике, что мне всегда доставляло большое удовольствие! Ездили мы, ездили от одного дома к другому, а барынька никак не могла ни на чем остановиться: все ей было почему-то неподходящим: то в комнате мало солнца, то обстановка неподходящая, то далеко, то дорого, ну, одним словом ничего не подходило. Тогда я завезла ее подальше от центра, в предместье Фишерн¹⁸ у вокзала, где комнаты сдавались по более дешевым ценам. На такое путешествие ушло много времени, а дома в это время мои родители очень встревожились моим долгим отсутствием в обществе какой-то незнакомой дамы, которая увезла дочь на извозчике, и отец в тревоге звонил по телефону в полицию и просил содействовать в розыске пропавшей дочери! Много волнений пережили мои родители, а под вечер я возвратилась домой с гордым видом, что наконец-то мне удалось найти подходящую комнату для капризной путешественницы! С тех пор мне уже не позволяли отлучаться из дома с чужими, незнакомыми людьми.

С течением времени отцом была организована довольно большая русская библиотека с читальней, помещавшиеся в помещении под храмом. Книги пополнялись добровольными пожертвованиями различных русских гостей, посещавших курорт, и являлись очень существенным развлечением во время курортного пребывания. Кроме книг беллетристического содержания в читальне при русской церкви можно было читать многие русские газеты, которые в большинстве

¹⁸Сейчас этот район Карловых Вар называется Рыбаре. Находится дальше вокзала, за Млынским прудом.

случаев безвозмездно посылались отцу в Карлсбад Петербургскими и Московскими редакциями газет.

Начиная с 1901 года число русских курортных гостей стало настолько возрастать с каждым годом, что у отца явилась мысль издать «Карлсбадский ежегодник» — нечто, вроде календаря — справочника, который бесплатно рассылался для ознакомления всем приезжавшим русским курортным гостям. В этом Ежегоднике, кроме календаря с отметками всех воскресных и праздничных церковных богослужений, каждый русский мог ознакомиться с историей возникновения русской церкви в Карлсбаде, с числом добровольных пожертвований и именами всех жертвователей минувшего года (церковь содержалась исключительно на добровольные пожертвования), с достопримечательностями курорта Карлсбада, имевшими особый интерес для русских, как, например, памятником Петру Великому, который посетил Карлсбад в 1711–12 гг., мемориальной доской писателю И.С. Тургеневу и т.п., а также с указанием всех ваннных заведений, цен различных лечебных процедур и перечнем докторов, говоривших по-русски. Этот ежегодник расходился в довольно большом количестве в течение летнего курортного сезона.

Деятельность протоиерея Николая Рыжкова в довоенный период протекала в двух городах: главный приход считался в Праге, в храме св. Николая¹⁹, к которому была приписана церковь в Карловых Варах во имя св. Апостолов Петра и Павла. С 1-го мая до 3-го сентября наша семья уезжала на всемирный курорт.

Видя нарастающий наплыв русских курортных гостей, мой отец возымел намерение начать собирать денежные средства на постройку самостоятельного Русского Дома в Карловых Варах. Получив на это разрешение от Святейшего Синода, протоиерей Николай энергично принялся за осуществление этой идеи и стал всячески ее пропагандировать среди своих соотечественников. Во время церковных богослужений, кроме тарелки «на церковные нужды», появилась и другая тарелка с надписью «В пользу постройки Русского Дома в Карлсба-

¹⁹Пражский храм святого Николая (храм святого Микулаша) расположен в центре города на Староместской площади. Сейчас это главный храм гуситской чешской церкви. Храм в стиле барокко был построен в период между 1732 и 1737 гг. Главным украшением служит большая хрустальная люстра, подаренная русским царем Николаем II этому храму, когда он арендовался Русской Православной Церковью. Люстра была изготовлена на знаменитой Гарраховской стекольной мануфактуре. Форма люстры напоминает форму императорской короны.

де», на которую посыпались щедрые пожертвования прихожан. Честь ходить с этой тарелкой выпала на мою долю и я особенно гордилась, когда сумма собранных мною денег многим превышала сбор г. Старосты на первой тарелке! Если бы не вспыхнула война 1914 года, то, вероятно, Русский Дом в Карлсбаде уже красовался бы на одном из живописных холмов недалеко от церкви! Ведь к 1914 году уже была собрана достаточная сумма для покупки земельного участка, и отец собирался уже начать постройку самого здания. Если бы этот проект осуществился, то русские курортные гости, приезжая для лечения в Карлсбад, могли бы селиться в русском доме, где бы вся прислуга говорила по-русски, где была бы русская столовая, русский врач, русская хозяйка, где, одним словом, они чувствовали бы себя «как дома»! Мысль, действительно, очень удачная, а потому и нашедшая такой широкий общественный отклик. Но непредвиденные исторические события помешали приведению к исполнению намеченного плана.

В Карловых Варах наша семья занимала церковный дом, состоявший из 3-х этажей и построенный по т.н. «американскому образцу»: внизу кухня, в среднем этаже столовая, кабинет-гостиная, в верхнем — спальня. Большой внутренней лестницей все этажи между собою соединялись, но для удобства был построен лифт (подъемная машина) для посуды, которым подавались в столовую все кушанья из кухни и через который вниз отсылалась вся грязная посуда. Это действительно было большим удобством и усовершенствованием, особенно принимая во внимание воскресные и праздничные дни, когда нужно было бы носить наверх один самовар за другим! Иногда их ставилось до пяти, так как гостей, заходивших к нам после богослужения, часто насчитывали до сотни! Через этот лифт удобно было также и договариваться с прислугой и давать ей различные распоряжения, что являлось как бы своего рода домашним телефоном!

На верхнем этаже была большая спальня с 4-мя окнами и прекрасным видом на окружающие леса. Рядом была небольшая комнатка для приезжавших знакомых или родственников, в которой также всегда останавливался Епископ Владимир (Путята)²⁰, который иногда совершал инспекционную поездку по западно-европейским курортам, в которых были русские православные хра-

²⁰Владимир (Путята) (2 (14) октября 1869 – февраль 1936 или начало 1941) — в 1907–1911 гг. епископ Кронштадтский, викарий Санкт-Петербургской епархии, заведующий всеми русскими заграничными церквями в Европе за исключением церквей, находящихся в Афинах и Константинополе. Экзархом епископа Ариадна Николаевна называет ошибочно.

мы; постоянную свою резиденцию он, как Экзарх западно-европейских церквей, имел в г. Риме, в Италии.

За этой комнатой помещалась фотографическая камера, где часто, при затемненном слуховом окне и красном фонаре, мой отец проявлял свои любительские фотографии.

В среднем этаже помещалась большая столовая, смежная с ней моя детская, а с другой стороны примыкала к ней гостиная-кабинет отца с большим балконом, впоследствии застекленным со всех сторон и превратившимся в прекрасную крытую веранду, на которой часто обедали и ужинали.

В нижнем этаже была просторная кухня, комната для прислуги, прачечная и большая угловая комната под названием «канцелярия», но служившая, главным образом, приютом для приезжавших лечиться русских священников и их семейств, которые в ней проживали в течение летнего сезона. Вокруг дома был довольно большой сад, взращенный трудами моего отца, с большой любовью и терпением им были засажены кусты клубники, крыжовника, красной и черной смородины, а также фруктовые деревья: сливы, груши и яблоки. Главным украшением нашего сада были прекрасные газоны душистых роз различных пород и оттенков. Все это со временем разрослось и распустилось. При входе в дом были посажены два каштановых дерева и стояла уютная беседка. Когда я подросла, то отец соорудил для меня детскую спортивную площадку с качелями, гигантскими шагами и крокетом.

Рядом с церковным домом красовалась церковь, живописно расположенная на склоне холма и построенная по типу московских и ярославских церквей XVII века с сенями и крыльцами и крытой галереей с восточной стороны. Купола церкви сверкали золотом, а по субботам, воскресеньям и в праздничные дни далеко разносился мелодический, православный трезвон ее колоколов. Подъезжая к Карлсбаду уже из окна железнодорожного вагона можно было разглядеть 2 золотых купола нашей церкви, так как она находилась почти на опушке леса. Эта часть курорта считалась самой живописной и называлась Вест-Эндом.

Диакон с семьей, псаломщик и церковный сторож занимали просторные помещенья под церковью напротив читальни.

Как я уже выше упоминала, каждое воскресенье после богослужения пестрая, живописная толпа шла из церкви прямо в дом гостеприимного настоятеля и за чашкой чая вела оживленную беседу; гости знакомились друг с дру-

гом, делились своими курортными новостями и впечатлениями и в кругу русских соотечественников не чувствовали себя на чужбине. Бывали иногда очень интересные, даже курьезные, знакомства и встречи. Так, например, однажды за чайным столом встретились 2 родных брата, которые друг друга не видали 20 лет, потеряли из виду, и, вдруг случайно, при разговоре выяснилось, что они родные братья, не узнавшие сначала друг друга! Внезапно раздалась радостные, громкие восклицания и два брата, случайно встретившиеся в доме священника, бросились друг другу в объятия!

Однажды произошел следующий любопытный случай: одна из посетительниц обратилась к моему отцу со следующим вопросом: «Скажите, пожалуйста, о. Николай, кто этот господин, с которым я за столом вела очень интересную беседу? он удивительно осведомленный, умный и знающий свое дело собеседник!» Отец, обладавший исключительной памятью на лица, имена, отчества и фамилии, отвечает ей: «Это был министр земледелия Алексей Сергеевич Ермолов»²¹. В это время дама упала в обморок! После того, как ее повели в чувство, выяснилось, что ее муж служит в ведомстве министерства земледелия и она вела с незнакомым «симпатичным старичком» весьма непринужденную беседу, критикуя порядки этого ведомства и самого министра! Узнав от отца с кем именно ей пришлось вести такой разговор, она умолила его оказать «протекцию» перед господином министром и просить его о помиловании ее супруга, так как она была уверена, что своей чрезмерной откровенностью она могла лишиться его служебного положения в данном ведомстве. Отец, конечно, ее успокоил и пообещал «замолвить об этом словечко» у г. министра. В следующее воскресенье отцу представилась возможность поговорить с министром и тот узнав, какой случай произошел с его случайной собеседницей за чайным столом, искренно расхохотался и сказал моему отцу приблизительно следующие слова: «Вы и представить себе не можете, батюшка, какое огромное удовольствие я получил от собеседования с этой дамой! Ведь не всегда же министрам удается услышать откровенное мнение и критику своей особы и деятельности! Я даже получил комплимент от этой дамы, которая мне сказала: «вот, еслибы наши министры были такими

²¹ Алексей Сергеевич Ермолов (1846–1917) — государственный и общественный деятель, ученый-агроном, действительный тайный советник (1896), статс-секретарь (1903), почетный член Петербургской АН (с 1899), член-корреспондент Французской АН (с 1901). В 1894–1905 министр земледелия и государственных имуществ.

знающими и осведомленными обо всем, как Вы, то дело было бы совсем другое!» Прошу Вас ее заверить, что я ей только благодарен за откровенность и я обещаю ей, что ее муж ни в коем случае от этого не пострадает!»...

В 1907 году наш дом посетили высочайшие особы: великий князь Михаил Александрович²² и Великая Княгиня Ольга Александровна²³ с супругом принцем Петром Ольденбургским²⁴ в сопровождении двух адъютантов.

Об этом посещении, так ярко врезавшемся в мою память и сыгравшем в дальнейшей моей судьбе решающую роль, я постараюсь написать как можно подробнее и обстоятельнее.

В Карлсбаде издавались так называемые «Курлисты»²⁵, то есть справочник, в котором указывались адреса всех прибывавших курортных гостей, печатались их фамилии, откуда они прибыли и в какой гостинице в Карлсбаде остановились. Мой отец выписывал этот листок, ибо по нему ему было просто определить всех русских, которым он бесплатно рассылал свой Карлсбадский Ежегодник для ознакомления с местными правилами и в котором были и другие информации.

²²Михаил Александрович, великий князь (1878–1918) — младший брат Николая II. В Первую мировую войну командовал кавалерийской («Дикой») дивизией, кавалерийским корпусом. После Октябрьской революции находился в Гатчине под домашним арестом. В марте 1918 г. был выслан в Пермь. Похищен группой чекистов и милиционеров во главе с Г.И. Мясниковым и расстрелян вблизи Мотовилихи. В 1981 г. канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в числе новомучеников.

²³Ольга Александровна, великая княгиня (1882–1960) — младшая дочь императора Александра III Александровича и императрицы Марии Федоровны. В 1901 г. вышла за герцога Ольденбургского. Брак был неудачным и окончился разводом. Впоследствии Ольга Александровна вышла за Николая Куликовского. Одна из немногих членов императорской семьи, спасшихся после большевистского переворота; жила в Дании, затем Канаде. За жизнь нарисовала более 2000 картин, доходы от продажи которых позволяли ей поддерживать семью и заниматься благотворительностью.

²⁴Петр Александрович Ольденбургский, принц (1868–1924) — с 1901 г. он был женат на дочери императора Александра III великой княгине Ольге Александровне. Брак этот был бездетным и неудачным. Супруги развелись в 1916 г. В чине генерал-майора командовал полком стрелков императорской фамилии. После февраля 1917 г. ушел в отставку и поселился в своем имении в Воронежской губернии. С началом красного террора бежал во Францию. Там он жил в Париже и на ферме под Бойоной. Принц занимался литературой и под псевдонимом «Петр Александров» публиковал рассказы из народного быта.

²⁵Списки именитых карловарских гостей появились в середине XVIII в. Эти списки назывались курлистами и первоначально составлялись вручную, а с 1795 г. курлисты начали печатать местное издательство «Франик».

Однажды он прочитал о прибытии их императорских высочеств Великого князя Михаила Александровича и Великой княгини Ольги Александровны со свитой. Отец, как представитель Русской Православной Церкви за границей, счел своим долгом расписаться в книге посетителей в отеле «Бристоль»²⁶, где высочайшие особы остановились. На случай же посещения ими церкви, отец распорядился поставить в первом ряду два кресла, так как в церкви, предназначенной для больных гостей, было расставлено, в виде исключения, несколько рядов плетеных стульев.

В один прекрасный день, после обеда, когда отец пошел, по своему любимому выражению «на близ лежащие горы», то есть иначе говоря, отдохнуть в спальне, моя мать увидела в открытое окно столовой небольшую группу людей, пытавшихся с трудом открыть калитку в наш сад. Будучи с молодых лет весьма близорукой и думая, что это обыкновенные русские приезжие пытаются проникнуть к местному священнику, мать в открытое окно стала кричать приблизительно следующее: «Вы русские? и хотите видеть батюшку? Просуньте руку через решетку калитки и нажмите изнутри кнопку и тогда калитка сама откроется!» (это был наш патент во избежание того, чтобы из нашего сада посторонние люди не делали «проходного двора», сокращая этим переход из верхней улицы в нижнюю)²⁷.

Гости покорно послушались совета моей матери, вошли в сад и стали подниматься по лестнице на второй этаж и тут только, вблизи, моя мать скорее почувствовала, чем узнала, о каких «гостях» идет речь!.. Смущенная и взволнованная она пригласила их в гостиную, а прислуге велела немедленно доложить отцу, разбудить его, и сказать ему, чтобы он надел на себя парадную шелковую рясу. (Отец, как и все заграничные священники того времени, носил штатское платье, то есть сюртук, а рясу надевал только при исполнении своих священнических обязанностей и идя в церковь на богослужение).

В милой, непринужденной беседе за чашкою чая провели высочайшие гости у нас некоторое время и вот тут опять произошел комический случай со мною! В тот день я не была дома, а была занята игрой с каким-то знакомым приезжим мальчиком на Садовой улице. Вдруг, в разговоре великая княгиня го-

²⁶Гостиница «Tereza» была построена в 1890 г. как одна из первых гостиниц ведомства «Bristol Royal». Находится на улице Петра Великого.

²⁷С улицы Короля Иржи на улицу Садовую.

ворит отцу: «неправда ли, батюшка, у Вас есть маленькая дочка, которая во время богослужений в церкви с серьезным личиком ставит свечи перед иконами и ходит собирать с тарелочкой? Покажите нам ее!» Отец ответил, что меня нет дома и попросил нашего псаломщика сходить за мной и привести как можно скорее домой. Псаломщик, увидев меня копошащейся с другими детьми в песке и земле, сказал мне буквально следующее: «Ляля, иди поскорее домой, умойся и переоденься, к вам пришла в гости сама царица!» С детства я обладала богатой фантазией и, по дороге домой, в моем воображении встал образ настоящей царицы, изображение которой мне приходилось не раз видеть на портретах. Каково же было мое разочарование, когда вместо воображаемой царицы в горностаевой мантии и с короной на голове, я увидела за столом обыкновенную даму, одетую в скромный английский костюм темно-синего цвета и с маленькой шляпкой-панамой на голове! Я, в некотором недоумении, остановилась на пороге нашей столовой, а когда отец, строго взглянув на меня, сказал: «подойди, поцелуй руку и сделай реверанс», я, проделав все необходимое, остановилась перед великой княгиней и громко сказала: «Какая же Вы царица?! когда у Вас нет ни короны, ни мантии, ни шлейфа!»... Конфуз для родителей был огромный, а великая княгиня искренне расхохоталась и, подкупленная моею детскою непосредственностью и наивностью, прижала меня к себе и стала всячески ласкать и целовать! С этой минуты и я почувствовала к ней непреодолимое влечение и симпатию.

Но одним этим посещением не ограничилось: перед своим отъездом из Карлсбада, они посетили наш дом снова и, на этот раз, Великая княгиня благоволила принести мне в подарок на память фарфоровую саксонскую чашечку темно-синего цвета с золотым ободком и велела при ней налить мне в нее чаю, а сама быстро зарисовала меня карандашом в моем альбоме. Удивительно искусным оказался этот небольшой рисуночек, тончайшими карандашными штрихами изобразивший наш стол с самоваром и меня, нагнувшуюся над чашкой чая и дующей на ложечку! Ведь великая княгиня Ольга Александровна была очень талантливой художницей!

Не помню, как это произошло в точности, но в моем альбоме, помимо зарисовки великой княгини, появилось еще одно стихотворение, написанное собственноручно размашистым почерком Великого князя Михаила Александровича. Вот оно:

«Когда ты молишься, не трать напрасно слов,
А всей душой старайся с верой сознать,
Что слышит Бог, что Он с Тобой!»

(Слова В.К.К.Р.)

Михаил.

Под этим стихотворением находится прекрасный рисунок Ольги Александровны, изображающий душистый горошек, писанный тонким пером!

Я настолько подпала под чарующее влияние великой княгини, что, при ее последнем визите к нам, завела ее в свою детскую комнату, где она запросто сев со мной на пол, стала рассматривать все мои игрушки! И тут я снова отличилась, сказав ей, чтобы оставалась у нас жить, так как места у нас много! Не предполагала я тогда, что мое нелепое детское лепетание сыграет впоследствии такую значительную роль при определении меня в институт ведомства императрицы Марии²⁸ на казенный счет!

Великая княгиня, оказывается, спросила моих родителей, куда они предполагают отдать меня в учение, и, на ответ родителей, что они желали бы дать мне чисто русское образование и воспитание и мечтают об определении меня в один из Санкт-Петербургских институтов, сказала следующее: «когда решитесь расстаться со своей единственной дочкой, черкните мне пару слов, а я уже все для вас устрою!..».

Когда, перед отъездом на вокзал, экипаж великих князей остановился перед церковью, отцом был отслужен напутственный молебен, а я преподнесла Великой княгине на прощанье большой букет из роз нашего сада. После их отъ-

²⁸Ведомство учреждений императрицы Марии (также четвертое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Мариинское ведомство, ВуИМ) — государственный орган по управлению благотворительностью в Российской империи. Ведомство образовалось в 1796 г. с переходом воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге в ведение императрицы Марии Федоровны (жены Павла I). По смерти Марии Федоровны в 1828 г. вошло в состав Собственной канцелярии в качестве четвертого отделения. С 1854 г. получило название «Ведомство учреждений императрицы Марии», с 1880 г. называлось Собственной его императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии. После февральской революции в марте 1917 г. функции ведомства были переданы управлению Мариинскими заведениями Министерства народного просвещения, а осенью 1917 г. — в Министерство общественного призрения. После октябрьской революции в 1918 г. ведомство было упразднено, а его имущество и капиталы национализированы.

езда стало сразу как-то пусто и скучно кругом и отец сказал мне: «закатилось наше красное солнышко», и в этих словах, действительно чувствовалась какая-то искренняя скорбь об утраченном миге счастья! Таким сильным было личное обаяние наших царственных гостей!

В дополнение ко всему вышесказанному еще надо описать нашу случайную встречу с великим князем Михаилом Александровичем в лесу на прогулке. Излюбленным развлечением детей в те времена было катание на осликах и вот, однажды, отец посадил меня в седло на осла и отправились мы в лес. На одном из поворотов дороги мы повстречались с великим князем и его двумя адъютантами, которые, по примеру немецких туристов сняв с себя пиджаки и неся их через плечо на палках, совершали пешие прогулки по горам и лесам Карлсбада. Великий князь, увидев нас, захотел снять нас своим фотографическим аппаратом, после чего, отец, в свою очередь, снял своим маленьким «Кодаком» великого князя, стоящего рядом с моим ослом и меня, сидящую в седле! Фотографию великого князя мы, несмотря на обещания, так и не получили, но зато маленький снимок отца у нас сохранился и я, впоследствии, ужасно гордилась, что снята на одном снимке вместе с Великим князем Михаилом Александровичем! Правда, что третья фигура — ослика, не совсем соответствовала всей значительности сего момента!

* * *

О том, что мой отец был обладателем исключительно красивого голоса было уже сказано, но на этом месте мне хочется вспомнить, как часто посетители церкви, а затем и нашего дома, рассыпались в комплиментах по поводу голоса отца и искренне восхищались его пением во время богослужения. Когда ему говорили: «батюшка, да с таким голосом Вам надо в оперу», отец всегда с улыбкой отвечал: «пусть другие поют в операх, а я буду прославлять Всевышнего за Его престолом! Разве для вознесения молитв не нужно иметь хорошего голоса? Другие пусть поют людям, а я пою самому Господу Богу!» На такой ответ не находилось возражений.

Отец, иногда, в семейной обстановке, певал также для своего удовольствия излюбленные им оперные арии и романсы. Особенно проникновенно и красиво у него выходили романсы Глинки, как, например, «Я помню чудное мгнове-

ние», и Даргомыжского «Мне грустно», а также ария князя из оперы «Русалка»: «Невольно к этим грустным берегам»...

Летом в Карлсбаде в свободное время отец часто увлекался своим любимым делом — садоводством, и многие русские люди, приходившие к батюшке, недоверчиво смотрели на него, одетого в рабочий костюм, когда он им говорил, что он сам и есть русский священник, которого они ищут.

Однажды был такой случай: приехал в Карлсбад какой-то русский купец из средней или южной России, пришел к нам и вдруг навстречу ему идет господин в рабочем пиджаке и спрашивает: «кого Вам надо?» — «Я, говорит, хочу видеть местного священника». Отец отвечает: «он перед Вами, чем могу быть вам полезным?» Посетитель весьма недоверчиво оглядывает непривычное одеяние отца, а потом, сложив, как подобает руки, говорит: «Ну, коли Вы вправду Батюшка, то тогда благословите!» Отец осенил его крестным знаменем, но увидев, что еще не совсем рассеял подозрений гостя, вынул из-за ворота рубахи свой золотой наперсный крест, с которым никогда не разлучался, и показал его сомневавшемуся посетителю. В дальнейшей беседе отец ему пояснил, что, во избежание недоразумений с иностранцами, а также для охраны священнической рясы от возможных насмешек и замечаний с их стороны, всем заграничным священникам не только разрешалось, но даже предписывалось вне церковных богослужений и исполнения треб, носить штатский костюм.

В 1912 году исполнилось 200-летие посещения императором Петром Великим Карлсбада. К этому сроку отцом был заказан каменный барельеф, изображавший Петра I в виде простого каменщика, работающего при сооружении дома «Пфау» в Карлсбаде²⁹. Барельеф этот был помещен в глубокой нише при входе в церковь с нижней улицы, называвшейся тогда «Парк-штрассе». Торже-

²⁹ «Pfaу» в переводе с немецкого означает «павлин». Дом «У павлина» стоял на той же самой стороне реки Теплы, что и нынешняя гостиница «Петр». Правый берег Теплы был значительно ниже левого, и стена дома «У павлина» образовывала фактически часть стены набережной. Дом «Пфау» не сохранился. В конце XIX в. ряд домов на самом берегу Теплы, в том числе и «Пфау», был снесен в рамках обустройства Карловых Вар. До середины 1950-х гг. на месте дома «Пфау» на набережной находилась табличка, гласившая: «На этомъ месте до 1895 года стоялъ домъ «Пфау», в постройке котораго въ 1712 году принималъ участие ПЕТР ВЕЛИКІЙ въ качествѣ каменщика. An dieser stelle stand bis 1895 das haus «PFAU» bel desser Erbanung im Jahre 1712 PETER der GROSSE mit den Maurern arbeitete». Сейчас на месте дома «Пфау» частично мост, образующий площадь перед Мельничной колоннадой, частично помост открытого ресторана, частично дорога.

ственное освящение этого памятника состоялось летом 1912 года при стечении огромного количества русских и иностранных гостей. В числе присутствовавших находился великий князь Александр Михайлович³⁰, лечившийся в то время в Карлсбаде.

Местный стрелковый полк, имевший почетным шефом Петра I, появился в исторических мундирах того времени и выстроился шпалерами, а духовой оркестр полка исполнил наш русский гимн.

В Карлсбадском Ежегоднике были помещены специальные статьи о пребывании царя Петра Великого в Карлсбаде в 1711 и 1712 годах и о том курсе лечения, который в те времена предписывался пациентам. В виде курьеза упомяну лишь, что Петр Великий выпивал чуть ли не до двух сотен кружек лечебных источников в день, а кроме того принимал из них ванны. Такой курс лечения приписывался врачами двести лет тому назад! Надо полагать, что Петр Великий, при его богатырском сложении, вероятно без особого труда подвергался всем этим лечебным процедурам!

За год до начала войны, а именно летом 1913 года, отец решил устроить в Карлсбадском Курзале³¹ концерт нашего Пражского церковного хора. Доход с этого концерта должен был быть в пользу постройки задуманного отцом Русского дома в Карлсбаде. Концерт был приурочен к храмовому празднику Св. Апостолов Петра и Павла 29-го июня по старому стилю. Пражский хор, состоявший главным образом из хористов оперного Народного театра в Праге, приехал в полном составе, принял участие в торжественном богослужении, а вечером того же дня исполнил интересную хоровую программу на эстраде местного курзала. Программа концерта состояла из 3-х отделений: в первом — духовные песнопения, во втором — оперные хоры, а в третьем — русские народные песни, хором управлял наш псаломщик и регент Кондратий Прокофьевич Волков, слушатель Пражской консерватории, талантливый музыкант и композитор. Концерт прошел с небывалым успехом, как моральным, так и материальным, который в значительной степени пополнил казну «в пользу постройки русского

³⁰Александр Михайлович, великий князь (1 (13) апреля 1866, Тифлис – 26 февраля 1933, Рокебрюн, департамент Приморские Альпы, Франция) — российский государственный и военный деятель, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I.

³¹Курзал, ныне Лечебница III, построен в 1864–67 гг.

дома в Карлсбаде». На этом концерте мне выпала доля продавать программы и рассаживать публику. Зал был переполнен и я вспоминаю этот вечер с особенно приятным чувством, так как это был настоящий праздник русской культуры за границей! Певчие также остались довольны, как своим успешным выступлением на концерте, так и возможностью осмотреть знаменитый курорт, познакомиться со всеми его достопримечательностями и провести время в виде увеселительного пикника.

Хор Пражской православной церкви уже славился своим прекрасным пением, но в Карлсбаде дело с певчими было значительно слабее! Кроме случайных, приезжавших любителей — помощников, постоянный состав церковного хора, помимо псаломщика, который пел всеми голосами, смотря по надобности, был следующий: 1-ый тенор — портной (чех), 2-ой тенор — служащий банка, также чех, 2-ой бас — переплетчик, 2-ой бас — сапожник (немец!). Таким образом, квартетом, состоявшим из двух чехов и двух немцев, управлял русский регент, который должен был для них подписывать все слова латинским шрифтом! Этот ансамбль был, однако, хорошо спетым, голосами они обладали довольно приличными и службу знали, но зато произношение ими церковно-славянского текста было иногда с большим иностранным акцентом, так, например, у них слышалось слишком мягкое произношение «Господи помилуй» и многое другое в таком же роде!

Одно происшествие во время пребывания нашей семьи в Карловых Варах оставило в моей памяти глубокий след и я попытаюсь о нем упомянуть в настоящих записках.

Было это в годах 1905–1906, точно не помню, но мне тогда было лет шесть или семь. Однажды, в одно из воскресений вечером, отец мой отлучился по делам и возвратился домой поздней ночью. Мать спала со мною в большой спальне, находившейся наверху нашего церковного дома, а наша прислуга, старушка Осиповна, как мы ее звали, спала внизу, в комнате рядом с кухней. Вдруг, среди ночи, моя мать проснулась от неистового лая нашей собаки и, открыв дверь на лестницу, услышала какие-то поспешные шаги по лестнице; с замиранием сердца она спросила по-немецки «кто там?», но в это же время кто-то очень быстро сбежал вниз по лестнице и — все стихло. Мою мать и прислугу обуял такой страх, что они не сдвинулись со своего места и стали с волнением дожидаться возвращения домой отца. Когда последний вернулся и отпер клю-

чом нижнюю входную дверь в дом, он обнаружил открытое окно на лестнице и следы обгоревших спичек на ступеньках. Предчувствуя что-то неладное, он поспешил в свой кабинет на 2-ом этаже и обнаружил на своем письменном столе большой железный лом и полуоткрытый средний ящик письменного стола, из которого исчезли 2 наперсных священнических креста с цепочками, которые там хранились. Наша собака, Таксик, которая ночью неистово лаяла и помешала вору ограбить нас поосновательнее, с волнением кинулась к отцу. Было ясно, что вор не успел взять еще другие ценные вещи (в соседнем ящике была церковная касса и пр.) и поторопился сбежать по лестнице, выпрыгнуть из окна в сад и скрыться, забыв на письменном столе свое орудие — лом, которым легко можно было убить как животное, так и человека!

Бледный от волнения отец поднялся к нам наверх в спальню и сообщил о происшедшей краже двух крестов, одного серебряного, а другого золотого с цепочками. Не трогая ничего, он немедленно позвонил по телефону в полицию, пришли сыщики, сделали снимок найденного на столе лома, который взяли с собой для съемки отпечатков пальцев, и заверили отца, что будут приняты все меры для поимки вора.

Однако прошло много времени, но вор пойман не был, так как он не решился бы показаться где-нибудь с украденными крестами, тем более, что во всех местных газетах было опубликовано извещение о краже 2-х крестов у русского священника. Мой отец, несмотря на свое большое огорчение по поводу кражи крестов, из которых золотой был т.н. «кабинетный», полагавшийся заграничным священникам из канцелярии-кабинета его величества самого государя, твердо верил, что кресты найдутся.

Он говорил: «кресты обязательно найдутся, кресты пропасть не могут, вот увидите!»... Но кресты — как в воду канули! Моему отцу пришлось некоторое время совершать богослужения без креста, что дало импульс почитавшим его многочисленным русским людям, посещавшим церковь, преподнести ему новый наперсный золотой крест, украшенный камнями и жемчугом. После литургии, группа прихожан во главе со старостой преподнесла отцу этот крест с сочувственным словом, вызвавшим у отца слезы благодарности за столь ценный дар, а еще более, за столь ценное для него внимание с их стороны. (Крест

этот был заказан и выслан из С.-Петербурга фирмой церковной утвари Жевержеева³²).

Тем временем розыски вора и украденных крестов продолжались безрезультатно. Сезон в Карловых Варах окончился и наша семья переехала на зимнюю квартиру в г. Прагу. Жизнь текла своим чередом, как вдруг, однажды, в январе месяце отца вызвали в местную полицию и там ему был вручен пакет, в котором находились оба креста, но... без цепочек! История обнаружения этих крестов граничит с чудом! Оказалось, что кресты были найдены двумя немецкими рабочими в Карловых Варах, которые на расстоянии приблизительно двух-трех километров от нашей церкви, рыли на углу одного из газонов городского парка яму для столба — указателя дороги! На глубине одного метра лопата одного из рабочих обо что-то звякнула и он наткнулся на кресты, которые пролежали в земле более шести месяцев! Рабочие сразу же вспомнили о том, что в свое время летом сообщали газеты, и доставили обнаруженные кресты в местную полицию, которая и переслала их отцу в Прагу с подробным описанием их находки. Чудо, действительно, произошло и слова отца подтвердились! Кресты были найдены в самом неожиданном месте, и, если бы столб предполагали водрузить хотя бы на четверть метра дальше, то они так и не были бы никогда обнаружены! Я не буду описывать того волнения и радости, с которой отец рассматривал лежавшие перед ним, его кресты, покрытые остатками земли и плесенью! С тех пор он никогда не разлучался со своим золотым кабинетным крестом!..

О силе молитвы моего отца мною было сказано уже в начале, при описании случая заболевания его дочери дифтеритом, в течение его, сравнительно недолгой жизни, было много случаев, когда, после его усердных молений, или же просто возложения рук на голову страдающего человека, наступало облегчение или же исцеление больного.

³² Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942) — крупнейший коллекционер, меценат, искусствовед, библиофил. Являлся создателем Декоративного института, театрального отдела в Музее истории Петербурга, одним из основателей Театрального музея, председателем Союза молодежи, спонсором ряда уникальных спектаклей, художественным руководителем Эрмитажного театра. Был владельцем магазина золотой и серебряной церковной утвари и парчовой фабрики, которая одевала Императорский двор и духовенство всей Русской Православной Церкви. После 1917 г. работал в Отделе изобразительных искусств Наркомпроса, а затем в Музее академических театров Ленинграда.

Однажды вечером, в дверь церковного дома в Карловых Варах кто-то сильно и настойчиво постучался (вероятно звонок был в неисправности). Пришел к отцу один из посетителей курорта, князь Петр Дмитриевич Д-ов³³, член Государственной Думы из Москвы, и с весьма растерянным видом просил отца посоветовать ему, что делать, так как у его жены сильнейший припадок печени, она страшно страдает, и, чуть ли не умирает. В виду ее слабого сердца врач сказал, что операцию делать невозможно, а камень застрял в желчепроводе и неизвестно чем это кончится. Между отцом и князем Д. был приблизительно такой диалог: «Батюшка, ради Бога помогите, посоветуйте что нам делать, к какому врачу еще нам обратиться, чтобы спасти жену?» «Если Вы обращаетесь с просьбой ко мне, как к священнику, то я могу Вам посоветовать лишь одно средство: если врачи земные ничем не могут в данном случае помочь, то обратитесь к помощи Всевышнего Врача и причастите супругу. Я могу немедленно отправиться к Вам в гостиницу и захвачу с собой запасные Дары». — «Ну, что Вы, батюшка, ведь мы уже 10 лет не были у исповеди и не причащались, да и в церковь-то не ходим!» — «Тогда, простите, но ничем другим я Вам помочь не могу!» — Князь немного заколебался, а потом сказал: «Ну, коли так, то мне ничего другого не остается, как попросить Вас причастить мою страдающую жену!» После этого разговора князь Д. повез протоиерея Николая на извозчике в гостиницу, где они остановились, отец остался наедине с больной, беседовал с ней, молился, и, наконец причастил ее Св. Тайнами, и вот... снова произошло чудо: уже во время молитвы отца княгиня почувствовала облегчение и к утру ей стало совсем хорошо! На другой день прибежал к нам взволнованный от радости князь Д. и просил отца отслужить в церкви благодарственный молебен за исцеление его жены, с тех пор эта семья снова обратилась к Богу и стала посещать храм Господень!

Об этом удивительном случае я слыхала, как от матери, так и от самой исцеленной княгини в бытность ее в Праге. А отец, вспоминая это событие, всегда говорил, как он волновался и как трудно ему было уговаривать эту неверующую женщину и с ней беседовать, но помощь Свыше ему была чудесным образом оказана, и он сам заметил, что больной стало легче от одного прикосновения его руки, которой он стал гладить голову страдающей женщины!..

³³Возможно, речь идет о князе Петре Дмитриевиче Долгорукове (1 мая 1866, Царское Село – 10 ноября 1951, Владимир), русском политическом деятеле, члене I Государственной думы.

Осенью 1909 года, когда мне исполнилось 10 лет, меня отвезли в С.-Петербург в Смольный Александровский институт³⁴, где я была принята по ходатайству сестры государя Николая II, Великой княгини Ольги Александровны, которая исполнила свое обещание, данное ею моим родителям во время своего посещения Карлсбада в 1907 году.

Зиму я проводила в стенах института, а летом ездила к родителям в Карловы Вары на каникулы.

Вот, приблизительно, все достопримечательные события нашей Карлсбадской жизни в годы, предшествовавшие первой мировой войне, с началом которой над нашим семейством разразилась буря, в корне изменившая весь мирный уклад нашей жизни.

Как я уже выше упоминала, зиму наша семья проводила в славянском городе — Праге, где у отца была также кипучая деятельность, но совсем другого характера, чем в Карлсбаде. В Праге было в те времена очень мало русских, собственно говоря, только семьи церковного причта: священника, диакона и псаломщика, а с 1912 года — семья консула Владимира Григорьевича Жуковского³⁵, потомка известного русского писателя, и семья вице-консула Казанского.

³⁴ Смольный институт благородных девиц — первое в России женское учебное заведение. Институт основан по инициативе И.И. Бецкого, и в соответствии с указом, подписанным Екатериной Второй 5 мая (24 апреля) 1764 г., первоначально назывался «Императорское воспитательное общество благородных девиц». В 1765 г. при институте, учрежденном первоначально как закрытое привилегированное учебное заведение для дочерей дворянской знати, открылось отделение «для мещанских девиц» (недворянских сословий, кроме крепостных крестьян). В 1848 г. в институте открылся двухгодичный педагогический класс для подготовки учительниц, а мещанское отделение было преобразовано в Санкт-Петербургское Александровское училище (с 1891 г. — Александровский институт). В октябре 1917 г. институт во главе с княгиней В.В. Голицыной переехал в Новочеркасск. Последний российский выпуск Смольного института состоялся в феврале 1919 г. в Новочеркасске. Уже летом 1919 г. институт покинул Россию и продолжил работу в Сербии.

³⁵ Владимир Григорьевич Жуковский (1871, Самара – 1922, Новониколаевск) — в 1897 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Министерстве иностранных дел секретарем консульства в Иерусалиме, вице-консулом в Адрианополе, консулом в Адрианополе и в Праге (до 1915 г.); в феврале 1917 г. возвращен в Министерство (в Петроград) в звании действительного статского советника. В 1919 г. в Омске входил в состав правительства А.В. Колчака в качестве товарища министра иностранных дел; исполнял должность председателя комиссии по делам военнопленных. В числе 24-х бывших членов колчаковского правительства приговорен Сибирским ревтрибуналом к «лишению свободы с применением принудительных работ пожизненно». С 1895 г. выступал в печати как один из первых русских переводчиков сонетов Эредиа; новые переводы публиковал вплоть до 1914 г.; в оригинальном жанре выступал и в 1915 г.

Посетителями храма были, главным образом, чехи и другие славянские народы, как болгары, македонцы, сербы и др., которые приходили послушать прекрасное пение церковного хора (члены хора Национального театра в Праге) и благолепное служение отца.

В Праге, до 1912 года не было ни русского посольства, ни русского консульства, а потому вся дипломатическая деятельность была взвалена на плечи отца Николая Рыжкова, который, благодаря своей бывшей службе в качестве секретаря русского консульства в Вене, был весьма осведомленным в этих делах, работы у него всегда было много. Ему часто приходилось выезжать за пределы Праги для исполнения всевозможных треб, главным образом хоронить или крестить детей у македонцев, которых тогда много проживало в Чехии, где они открывали торговлю восточными сладостями. Процент рождаемости, а также и смертных случаев среди них был немалый. Вспоминаю, как часто к нам приходили молодые болгарские или македонские родители с просьбой окрестить их ребенка, при чем всегда просили мою мать быть «кумой», а она никогда не хотела их обидеть своим отказом, а потому, с течением времени, у нее накопилось большое количество «крестников», которым, по болгарскому обычаю, она сама должна была придумывать имена!

Вскоре, после назначения отца в Прагу, здесь была создана «Православная беседа»³⁶, состоявшая из православных чехов, целью которых было ближайшее ознакомление с русской культурой, искусством, изучение русского языка и т.п. Почетным председателем этого кружка был известный в Праге профессор Иосиф Антонович Шебор³⁷, бывший лектором Петербургского университета, проживавший в Праге на пенсии.

Многие чехи, заходившие в нашу церковь, умилялись красотой наших богослужений и переходили в православную веру. В 1903 году отцу пришлось перевести в православную веру более 300 чехов-старокатоликов. Событие это бы-

³⁶Общество было создано в 1903 г. и заменяло церковный приход, организовать который не разрешили австрийские власти.

³⁷Иосиф Антонович Шебор (1848, Австро-Венгрия – 1928, Чехословакия) — филолог-классик, латинист, славист. С 1875 по 1898 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете. В 1906 г. вернулся в Чехию, преподавал латынь, чешский и русский. В 1914 г., после начала Первой мировой войны, И. Шебор был взят под арест по делу протоиерея Николая Рыжкова. В 1918 г. И. Шебор смог вернуться в Чехию. С 1922 г. читал лекции в Русском народном университете в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

ло весьма трогательным, так как храм был наполнен молящимися, стоявшими с зажженными свечами и читавшими громко, приклонив колена, слова нашего Символа Веры, а затем причастившимися Св. Таинств. Число желавших принять православие увеличивалось с каждым годом, и, таким образом, Пражский приход обогащался новыми православными прихожанами — чехами. Иногда в нашу церковь заходили случайно приезжавшие в Прагу русские, бывшие за границей в различных командировках или же по другим делам.

В 1906 году протоиереем Николаем Рыжковым был торжественным образом освящен новый военный памятник павшим русским воинам в битве при г. Кульме под Лейпцигом в 1812 году³⁸. В Прагу были перевезены останки (кости) павших русских героев и похоронены на Ольшанском кладбище. На это русское торжество прибыло много почетных гостей, представителей австрийской армии, дипломатического корпуса, а также и русских военных властей. При большом стечении народа была отслужена панихида, окроплен памятник и отцом была произнесена прочувственная проповедь на трех языках: по-русски, по-немецки и по-чешски. У нас сохранилось несколько больших фотографий с изображением памятника в момент его освящения.

Отец также преподавал Закон Божий всем православным детям сначала у себя на квартире, но когда число учеников настолько возросло, что квартира для этого стала недостаточной, то пришлось нанять помещение в одной из ближайших средних школ, где и собирались ученики два раза в неделю после обеда. Преподавание велось по группам на различных языках, так как отец считал необходимым, чтобы дети усвоили все молитвы на своем родном языке! Только благодаря знанию всех славянских языков, мог отец вести преподавание таким сложным способом!

В Праге отец устроил приемные дни по четвергам; в эти дни к нам приходило множество гостей, состоявших главным образом из русофильски настроенных чехов, которые хотели совершенствоваться в русском языке. Приходили очень видные чешские деятели, писатели, артисты, адвокаты и др. Непременным посетителем наших «славянских четвергов» был всегда маститый чешский писатель Йосиф Голечек³⁹ и многие другие видные личности. К этим собраниям

³⁸Это был не новый памятник, а отреставрированный монумент 1826 г., перенесенный на Ольшанское кладбище с упраздненного военного кладбища в пражском районе Карлин.

³⁹Йозеф Голечек (Holeček Josef, 1853–1929) — чешский писатель, журналист и переводчик.

очень подозрительно относились австрийские власти, боявшиеся всегда культурного сближения славян!

V

Первая мировая война в 1914 г.

В предыдущих главах я описала жизнь и деятельность моего отца и нашей семьи в мирное время. Но вот наступает день объявления первой мировой войны 25/7 августа 1914 г., который окончательно перевернул весь уклад нашей жизни.

В первый же день объявления войны мой отец был арестован австрийскими властями и посажен в тюрьму.

Незадолго до начала войны прогремел зловещий выстрел в г. Сараеве, которым был убит наследник австрийского престола принц Фердинанд Д'Эсте⁴⁰ и это событие вызвало большую тревогу во всей Европе.

Среди многочисленных русских курортных гостей в сезоне 1914 года началась паника из опасения развития дальнейших событий и они приходили к моему отцу за советом. Отец каждому рекомендовал постараться поскорее уехать на родину во избежание возможных международных осложнений. Этими советами многие русские воспользовались и покинули Австро-Венгрию, пока ее государственные границы были еще открыты. Многие же оставались на своих местах и просили отца их не покидать.

Хотя отец и имел возможность выехать со своей семьей в нейтральную страну Швейцарию, он, однако, этим не воспользовался и ответ его был в следующих словах: «не беспокойтесь! я своей духовной паствы не брошу; я, как капитан на погибающем в волнах судне, покину корабль последним. Ведь в русско-японскую войну японцы-азиаты ни пальцем не тронули тамошнего православного Епископа, который продолжал совершать богослужения и требы, а здесь, ведь, культурный немецкий народ!»...

Но на деле оказалось совсем иначе: «культурный народ» с самого начала войны настолько озверел, что сразу же поторопился излить свое русофобство и арестовать многих русских, в том числе и православного священника.

⁴⁰Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (нем. Franz Ferdinand von Österreich-Este, 1863–1914) — эрцгерцог австрийский, с 1896 г. наследник престола Австро-Венгрии. Убийство Франца Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом стало поводом для начала Первой мировой войны.

При аресте отца в квартире был произведен обыск и были конфискованы многие документы, а также и деньги, как его личные, так и те, которые были у отца для раздачи бедным русским, оставшимся в стране врага без всяких средств к существованию. Отец успел захватить с собой только крест, Евангелие и запасные Дары.

Сначала его посадили в одну комнату, запертую под замок в доме для военных, служащих в Карлсбаде, но на другой же день его отправили под конвоем в г. Эгер⁴¹. Кроме отца был также арестован наш диакон Соловьев, исполнявший должность псаломщика во время летних каникул студент Петербургской духовной академии Сергей Мих. Брянский.

Под улюлюканье разъяренной толпы, плевавшей им в лицо и грозящей расправиться с русскими самосудом, их посадили в товарные вагоны и отправили в г. Эгер (нынче Хеб), где их бросили на грязную солому в казармах! Режим был очень тяжелый и унижительный.

Мы с матерью оставались в нашем церковном домике в Карлсбаде, где на ночь приходилось закрывать все окна глухими ставнями, так как были попытки разбить стекла тяжелыми, бросаемыми с улицы, камнями!

Все попытки, предпринятые нами для освобождения отца из плена, успехом не увенчались. Правда, на некоторых местах нас уверяли, что это какое-то недоразумение и что отца вскоре выпустят, но на деле было совсем не так.

Наступила осень и жить в церковном доме мы уже не могли, а потому с матерью переехали в Прагу на нашу зимнюю квартиру. Отец тем временем получил на некоторое время разрешение проживать в г. Эгере на частной квартире, но под военным надзором.

К этому времени местные госпитали стали пополняться не только своими ранеными солдатами, но и русскими военнопленными. Отцу было разрешено совершать таинство исповеди и святого причастия у постели тяжелораненых русских воинов, которые плакали при виде своего русского православного священника. Но такое относительное благополучие длилось недолго. В феврале 1915 г. отца переправили в Нижнюю Австрию в г. Вайдгофен⁴², где отец впер-

⁴¹Хеб (чеш. Cheb, нем. Eger) — город в Чехии на реке Огрже. Находится на западной границе Чехии с Германией.

⁴²Вайдхофен (нем. *Bezirk Waidhofen an der Thaya*) — округ в Австрии. Центр округа — г. Вайдхофен-ан-дер-Тайя. Округ входит в федеральную землю Нижняя Австрия.

вые натолкнулся на некультурность и грубость австрийских властей, которые до момента начала войны всегда относились к нему с полным уважением и выполняли все его просьбы. Здесь же его встретили с руганью, и на его замечание, что он православный священник, начальник тюрьмы прокричал, что «все ваши церкви надо сжечь!» В Вайдгофене отец томился в заключении в старом замке, а 1-го октября 1915 г. был отправлен в г. Вену и заключен в одиночную камеру венской гарнизонной тюрьмы.

В виду того, что я застряла во время войны в Австрии и не могла продолжать своего образования в Петербургском Смольном Александровском институте, я начала хлопоты о разрешении мне выехать в Россию для продолжения своего среднего образования. К началу учебного года я уже опаздывала, а потому, чтобы не терять времени, я записалась на курсы иностранных языков в Праге, которые и стала посещать. Через некоторое время к нам пришла моя учительница и чуть ли не со слезами на глазах просила меня эту школу не посещать, так как ей власти пригрозили закрыть школу, если в ней будет учиться дочь протоиерея Рыжкова!

После продолжительных хлопот мне наконец удалось уехать в Россию в феврале 1915 года, то есть через полгода после начала войны. Расставание с матерью при данных тяжелых обстоятельствах было особенно трагичным; отцу я написала прощальное письмо на немецком языке (по-русски нам переписываться не разрешалось) и я совершила свой длинный окружной путь через нейтральную страну Румынию в Петроград. Моими попутчиками была семья нашего псаломщика и регента Кондратия Прокофьевича Волкова, которого выпустили, и несколько застрявших в австрийском плену русских. К нашему вагону с русскими гражданскими пленными был в Румынии прицеплен вагон Маршала Франции Фоша⁴³, которого румыны на всех станциях встречали громкими овациями и иступленно кричали: «Вив ля Франс! Вив ля русса!»⁴⁴ и т.д.

⁴³Фош (Foch) Фердинанд (1851–1929), французский военный деятель и теоретик, маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923). В начале I Мировой войны командовал корпусом, затем 9-й армией, в 1915–16 — группой армий «Север». С мая 1917 г. начальник Генштаба, с апреля 1918 г. верховный главнокомандующий союзными войсками. Сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав. В 1918–20 — один из активных организаторов военной интервенции в Советскую Россию.

⁴⁴«Да здравствует Франция! Да здравствует Россия!». Искаженное «Vive la France, vive la Russie».

В трескучие февральские морозы я наконец, после недельного путешествия, добралась до Петрограда, где на перроне меня встретил мой дядюшка профессор А.А. Бронзов. После долгих рассказов о всем пережитом я окончательно охрипла и потеряла голос и в таком состоянии меня дядя отвез в Институт, где я была с большим интересом и энтузиазмом встречена своими однокурсницами.

Моя мать не захотела оставаться одной в нашей пражской квартире и переехала на жительство в лагерь русских и других иностранных пленных в Карлштейн, чтобы быть поближе к отцу.

Итак с 1-го октября 1915 г. наша семья, состоявшая всего из трех членов, была окончательно разлучена: я находилась далеко в петроградском институте, мать — в лагере в Карлштейне, а отец — в тюрьме в Вене. Причем мы были лишены возможности общения и долгое время не знали ничего друг о друге!

Отец томился в тюрьме три года. При его аресте, как я уже упоминала, был произведен тщательный обыск в квартире, как в Праге, так и в Карлсбаде, и, кроме денежных сумм, было много конфисковано различных документов, в том числе и вся личная корреспонденция отца, в которой власти пытались найти следы преступной шпионской деятельности. Даже невинная переписка родителей с дочерью-институткой показалась австрийцам подозрительной и в этой переписке они искали какой-то «тайный шифр»!

После отъезда матери в Нижнюю Австрию наша пражская квартира была опечатана местной полицией. Тем временем подготовлялся чудовищный по своей абсурдности обвинительный акт против отца, которого, несмотря на то, что он был русским подданным, обвинили в государственной измене против Австрии! Его популярность среди славянских народов, населявших Австро-Венгрию, была властям подозрительна и в ней они усмотрели для себя опасность в желании, якобы, отторжения Чехии и Моравии от монархии и присоединения этих земель к Русскому государству!

Когда, во время войны, чешские солдаты стали в большом количестве сдаваться русским войскам в плен и перебегать на другую сторону, то это обстоятельство особенно инкриминировали протоиерею Николаю Рыжкову, который, дескать, своей пропагандой «панславизма» усиленно этому способствовал.

Отец в одиночном заключении находил большое утешение в чтении св. Евангелия (это была единственная книга, которую ему разрешили иметь), и он

целыми днями молился, пел и читал громко все молитвы. Часто в маленькое окошечко в дверях ему грозил очередной патруль, но отец всегда его благословлял широким крестным знамением и солдат немедленно скрывался!

Встречи с женой ему были разрешены очень редко и это короткое свидание было душераздирающей пыткой для моих родителей, так как мою мать под конвоем привозили в Вену, где во время весьма короткого свидания им разрешалось обменяться лишь короткими немецкими фразами в присутствии стражи и они, обливаясь слезами, часто были не в состоянии выговорить даже необходимых слов!

Отца часто вызывали на изнуряющие допросы, которые велись таким инквизиторским способом, что отец несколько раз лишился чувств и падал в глубокий обморок!

На 19-е апреля 1917 года было назначено первое заседание суда, причем со стороны обвинения было приглашено 22 свидетеля, а со стороны отца было вызвано 25 человек. Предъявленный отцу для ознакомления обвинительный акт был составлен на 387 печатных листах. Все свидетельские показания, даже тех лиц, которых вызвала сторона обвинительная, говорили в его пользу.

Наконец 7-го мая 1917 г. на последнем заседании суда ему был вынесен окончательный обвинительный приговор. Отец произнес свою 3-х часовую защитительную речь на немецком языке, но приговор был заранее составлен!

Когда в судебном зале был во всеуслышание этот позорный приговор к смерти через повешение произнесен, то судьи и вся присутствовавшая на суде публика ожидали, что отец упадет на колени и будет просить милости и пощады! Отец, однако, скрывая свое внутреннее волнение и владея собой, встал, осенил всех присутствовавших широким крестным знамением и произнес по-немецки следующие слова: «Видит Всемогущий Бог, что я осужден невинно!» Эти слова всех весьма смутили, а один из свидетелей, который приехал из Праги и был членом «Православной беседы», был настолько потрясен всем виденным и слышанным, что вскоре сошел с ума и покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. Он, по приезду в Прагу, всем говорил, что видел в Вене на суде самого магистра Яна Гуса, величавую фигуру которого он не мог забыть!

Тем временем отцу было предоставлено право подать жалобу в высшую инстанцию, что он и сделал. Отвели его обратно в камеру, где он со дня на день ожидал исполнения приговора и каждый поворот ключа в замочной скважине

был для него знамением, что его вот-вот поведут на позорную казнь! В таких невероятных душевных терзаниях, находясь, по словам отца, между жизнью и смертью, отец провел мучительный месяц. Тем временем русские власти приняли все меры для его освобождения и в результате всех многочисленных переговоров и интервенций, в частности по ходатайству Испанского короля Альфонса⁴⁵ (Испания во время войны была представительницей русских в Австро-Венгрии), дело отца было прекращено и его освободили, обменяв за находившегося в то время в русском плену униатского Митрополита Львовского графа Андрея Шептицкого⁴⁶, который был взят в плен наступавшей в начале войны русской армией в г. Львове⁴⁷.

Вышел отец из тюрьмы настоящим стариком с надорванными душевными и телесными силами.

После освобождения отца моим родителям не было разрешено поехать ни в Прагу, ни в Карлсбад для урегулирования своих личных имущественных дел, и они были, как бы по этапу, отправлены из г. Вены прямо на границу в сопровождении полиции. Путь их на родину был длинным: целый месяц они должны были просидеть в карантине в Сасницах в Германии, а затем через Данию, Швецию и Финляндию возвратились в Петроград. Между прочим русским послом в Стокгольме был устроен отцу торжественный прием, при чем отца отговаривали ехать на родину в виду начавшихся тогда летом революционных беспорядков в столице, но отец и слышать об этом не хотел, говоря, что он слишком стосковался по родине и по своей единственной дочери, которая училась в Петрограде.

Между русскими властями и австрийским правительством было заключено соглашение, что, как митрополит Шептицкий, так и протоиерей Рыжков, должны одновременно быть переправлены через границу, что, кажется, и состоялось.

Итак 18-го июля 1917 года мои родители, не выдавшиеся с дочерью 3 года, наконец, после всех мытарств возвратились на Родину.

⁴⁵Альфонс XIII (годы жизни: 1886–1941; годы правления: 17 мая 1886 – 14 апреля 1931) — король Испании.

⁴⁶Митрополит Андрей (в миру граф Роман Мария Александр Шептицкий, польск. Roman Maria Aleksander Szeptycki, укр. Роман Марія Олександр Шептицький; 1865–1944) — предстоятель Украинской Греко-католической Церкви в 1900–1944 гг., митрополит Галицкий, архиепископ Львовский и епископ Каменец-Подольский.

⁴⁷Взят в плен в сентябре 1914 г.

Я тем временем, окончив институт, поступила на службу в Петроградскую военную цензуру в качестве военного цензора только, или вернее, благодаря моему знанию чешского языка! Между прочим надо отметить, что это обстоятельство помогло мне в некотором отношении наладить переписку с родителями в последнее время, правда, весьма нерегулярную! Сама я жила у знакомых в квартире профессора Военной академии Митрофана Ивановича Свешникова⁴⁸ в Фонарном переулке в двух шагах от своей службы, но, ожидая приезда долгожданных родителей, я начала хлопоты об их устройстве после возвращения из плена.

Обер-прокурор Св. Синода Временного правительства Карташев⁴⁹ сделал, по моей просьбе, распоряжение о предоставлении моим родителям митрополичьих покоев в пустовавшем тогда Благовещенском подворье⁵⁰ на 8-ой линии Васильевского острова. Это была довольно большая и светлая квартира в несколько комнат со всеми удобствами и с небольшим домашним инвентарем, как постельное белье, посудой, дровами и пр.

Когда заграничный поезд из Финляндии прибыл на Финляндский вокзал в 12 ч. ночи, отца встретила депутация от Петроградского Епархиального Собора в лице священника А. Маляревского⁵¹, диакона Любомирова⁵², псаломщика

⁴⁸Митрофан Иванович Свешников (1862–19?) — окончил курс на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. С 1888 по 1899 г. состоял в Санкт-Петербургском университете приват-доцентом по кафедре государственного права; преподавал также в Академии генерального штаба и Военно-юридической академии, читал энциклопедию законоведения в Александровском лицее.

⁴⁹Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — последний обер-прокурор Священного синода; министр исповеданий Временного правительства, богослов, историк Русской Церкви, церковный и общественный деятель.

⁵⁰Дом № 61 на 8-ой линии Васильевского острова. В начале XIX в. здесь находился каменный дом купца Бобкова. После смерти владельца дом перешел в духовное ведомство. С 1845 г. — это здание Новодевичьего монастыря. После переезда монастыря на Московский проспект дом служил подворьем и назывался Домом Благовещенского синодального подворья из-за близости Благовещенской церкви.

⁵¹Александр Иванович Маляревский, протоиерей (1857–1934) — с 1885 по 1913 гг. служил в Пантелеимоновской церкви. С 1913 г. и до ее закрытия служил в церкви Вознесения Господня. Умер в 1934 г., и после отпевания в Свято-Троицком соборе Измайловского полка, в котором продолжал службу, был захоронен на Смоленском кладбище. На месте его могилы в настоящее время другое захоронение.

⁵²Любомиров Василий Яковлевич, диакон — в 1913–1916 гг. диакон церкви св. апостола Павла при Мариинской больнице.

Кодникова⁵³ и старосты Казанского собора гр. Н.Ф. Гайдена⁵⁴, который преподнес прибывшему о. Николаю Рыжкову просфору на золотом блюде.

Ввиду того, что во всех газетах было напечатано извещение о времени прибытия о. Николая Рыжкова из австрийского плена, я выехала с последним дачным поездом навстречу на пограничную станцию Белоостров, так как мне хотелось, чтобы это радостное и волнующее свидание с родителями, по которым я так стосковалась, произошло без посторонних свидетелей. Волнующие часы провела я ночью в полном одиночестве на малой безлюдной пограничной станции в ожидании заграничного поезда и когда он, наконец, с грохотом остановился, я инстинктивно побежала к передним вагонам и в одном из них увидела в окне стоявшего отца, который предчувствовал, что наша встреча произойдет именно здесь! Несмотря на то, что вход в вагон был ограждаем конвоем, я перешагнула через лежавшего в коридоре солдата и бросилась со слезами радости в объятия отца. Тут я его предупредила об ожидающей его торжественной встрече на Финляндском вокзале и отец переделся в свою шелковую рясу. Мать моя сидела с забинтованной головой, так как в дороге сильно простудилась и у нее разыгрался флюс.

Нашим разговорам не было конца и мы с великим волнением подъехали к перрону Финляндского вокзала, где, кроме официальной депутации, нас встре-

⁵³ Иоанн Васильевич Кадников, новомученик, протоиерей (1879–1937) — в 1904 г. по окончании полного курса Петербургской духовной семинарии резолюцией митрополита Антония (Вадковского) был утвержден штатным псаломщиком к церкви святого благоверного великого князя Александра Невского, находившейся в здании детского приюта в память князя Олега Константиновича. Здесь новомученик Иоанн прослужил в качестве псаломщика вплоть до революции 1917 г. После революции приютский храм был закрыт, а Иоанн вскоре вступил в брак и принял священный сан. До 1932 г. отец Иоанн служил настоятелем церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Пенино, а с 1932 по 1937 гг., будучи в сане протоиерея, являлся настоятелем Свято-Троицкого храма села Редкино Волосовского района. Здесь он и был арестован в октябре 1937 г. сотрудниками районного отдела НКВД. 24 декабря 1937 г. отец Иоанн был расстрелян.

⁵⁴ Николай Федорович Гейден, граф (1856 – не ранее 1919) — к 1915 г., согласно справочнику «Весь Петербург», гр. Гейден был старостой Казанского собора, гласным Петербургской городской думы, почетным опекуном, попечителем Николаевского сиротского института и его Малолетнего отделения, товарищ председателя Казанского приходского благотворительного общества, председателем попечительского совета женской гимназии Петроградского единоверческого братства. После революции остался в России. Продолжал исполнять обязанности старосты Казанского собора, был также председателем Педагогического совета Исидоровского епархиального училища. После недолгого ареста в 1918 г. скончался, оказавшись на улице без крова и средств к существованию.

тили с цветами наши друзья и знакомые. Со слезами на глазах отец вышел из вагона, осенил всех крестным знамением, а наш бывший диакон о. Иоанн Страковский⁵⁵, бывший в то время настоятелем Покровской церкви при больнице того же названия в Гавани Васильевского острова, упал перед отцом на колени и поцеловал край его рясы в знак глубокого уважения и преданности к мученику за православную веру, что, в свою очередь, вызвало слезы умиления у всех присутствовавших на вокзале в ту незабываемую ночь!

В придворной карете, которая была заказана и предоставлена отцу старостой Казанского собора гр. Гайденом (трамвайного сообщения тогда ночью не было), мы, в сопровождении о. Иоанна Страковского, отправились в наше новое жилище на Васильевском острове, где на столе в столовой ожидал нас кипящий русский самовар, о котором позаботился по моей просьбе местный управляющий подворьем. В непрерывных разговорах мы за этим столом со скромным угощением, которое было мною заранее приготовлено, просидели до самого расвета!

Отец был счастлив, что после всех пережитых мытарств, вернулся на родину и свиделся, наконец, со своей дочерью.

VI

Протоиерей Николай Рыжков на родине

Наступил последний этап жизненного пути протоиерея Николая Рыжкова на родине, а именно в г. Петрограде, где он начинал свою карьеру.

После возвращения из австрийского плена он долго не мог оправиться после пережитых потрясений.

Жили мы в предоставленной нам казенной квартире Благовещенского Подворья и отца иногда приглашали совершать богослужения в различных церквях Петрограда.

Его служба, а главным образом его проповеди, оставляли глубокий след среди молящихся, которые часто обливались слезами, слушая его проповеди. Он говорил о том, как страдал в заключении, как молился и каким утешением было для него Святое Евангелие.

⁵⁵Строковский Иоанн Иванович, священник — в 1914–1916 гг. настоятель Покровской церкви.

Время тогда было очень тревожное: революция 1917 года была в полном разгаре, много было несчастных, потерявших своих родных и близких во время войны и революции.

Однажды отец был задержан во время уличной облавы и не смог вовремя возвратиться домой. Когда его допрашивали революционные власти то, увидя священника, стали над ним глумиться и говорить такие фразы как «попили вы нашей народной кровушки» и т.п., а когда отец им сказал, что сам сидел в нескольких тюрьмах, то это обстоятельство сразу же смягчало допрашивавших и со словами: «значит ты наш!» его отпустили домой!

Несмотря на преждевременные седины, появившиеся у него, голос его по-прежнему звучал молодо, благородно и при его служении церкви были всегда переполнены.

Вскоре он заболел тяжелым воспалением легких и слег надолго в больницу на Васильевском острове.

Между тем церковные власти ему предложили место настоятеля двух православных церквей во Франции, а именно в г. По зимой, а летом на курорте в Виарице на берегу Атлантического океана. Такое предложение было очень заманчивым и напоминало отцу его деятельность в Австрии, но, к сожалению, ему не смогли выдать никакого денежного вспомоществования, а денег на такое далекое путешествие у нас никаких не было и, таким образом, эта поездка не смогла осуществиться!

Оправившись после болезни отец стремился устроиться в каком-нибудь приходе в Петрограде.

В 1919 году открылась вакансия на пост священника в церкви св. Вознесения Господня⁵⁶ на Загородном проспекте. На эту должность было несколько кандидатов и, по тогдашним установлениям, каждому из кандидатов была предоставлена возможность отслужить св. Литургию и произнести проповедь, а выбор священника предоставлялся общему приходскому совету по баллотировке. Это был своего рода общественный конкурс перед лицом всех прихожан!

⁵⁶На Загородном проспекте находился Введенский собор, построенный по проекту архитектора К. Тона в 1836–1842 гг. Вознесенская церковь находилась на одноименном проспекте. Красивая белая церковь с большим куполом и стройной колокольней была построена в 1755–1769 гг., но неоднократно перестраивалась вплоть до 1903 г., когда на колокольне были смонтированы часы. В 1936 г. храм был взорван, сейчас на его месте находится школа.

Моему отцу было предложено отслужить всенощное бдение и после Св. Евангелия произнести проповедь. Переполненный храм св. Вознесения с затаенным дыханием слушал слова отца, где он поделился с молящимися всеми своими переживаниями в австрийском плену и очень многие плакали во время его проповеди. В результате он на общем собрании прихожан получил большинство голосов и был назначен пятым священником в этот приход.

Наша семья переселилась в дом № 74 по Екатерининскому каналу, который соседствовал с храмом. Мы жили в квартире священника Максимова, который с семьей уехал на юг России. Здесь и совершал мой отец все службы и требы вплоть до своей преждевременной кончины 6-го февраля 1920 года.

О том, что мой отец очень любил детей я уже упоминала, но тут, в Петрограде, дети прямо-таки толпами бегали на улице за моим отцом и своими звонкими детскими голосами часто кричали: «Наш батюшка идет!»

Зима 1919–1920 гг. была в Петрограде очень тяжелой в особенности в продовольственном отношении. Из-за недостатка продуктов и топлива начались эпидемические заболевания, оканчивавшиеся часто смертельным исходом. В городе свирепствовали две эпидемии, которые буквально «косили» людей: брюшной тиф и «испанка» — инфлюэнция с тяжелыми последствиями.

Однажды к нам пришла десятилетняя девочка и просила отца придти к ним со Святыми Дарами и причастить ее заболевших родителей. Отец туда немедленно отправился и нашел все семейство лежащим в горячке. Он не только причастил больных, но задержался в этой квартире дольше, помог бедному ребенку убрать квартиру, подмел пол и поставил самовар, как он нам рассказывал по возвращении домой.

Через несколько дней он сам слег с высокой температурой и через 4 дня после заболевания впал в забытие. Он заболел «испанкой», при которой температура скачет между 40–42° до 35°. Отец в бреду непрестанно молился, громко произносил разные молитвы и священнические возгласы. Особенно врезались мне в память два возгласа, которые он попеременно произносил, а именно: «Христе, Свете истинный, просвещающий» и т.д. и «Христос Истинный Бог наш, молитвами...» и т.д.

Эти возгласы он непрерывно повторял, а также говорил чудные проповеди. Если бы я тогда предчувствовала, что это были его последние дни и знала бы стенографию, то могла бы получиться очень интересная и поучительная запись!

Бред отца с каждым часом учащался и он под конец непрерывно шевелил губами, что-то шепча, а в день смерти вдруг ясно произнес следующую фразу: «надо меня зафиксировать!» Моя мать, которая не отходила от постели больного, немедленно послала за стариком-священником, который пришел со Св. Дарами причастить отца. Отец в последние минуты стал в бреду метаться и порывался соскочить с кровати, так что священник усомнился примет ли больной св. причастие?! Но после причастия отец сразу же успокоился, на его лице разлилась блаженная улыбка и с этой улыбкой, которая выражала необыкновенную радость, он затих на веки!.. В это время за окном раздался звон церковных колоколов, призывавших прихожан ко всеобщей в канун празднования чудотворной иконы Божьей Матери «Утоли моя печали», которая находилась в храме Вознесения и очень почиталась всем народом. Когда, во время всеобщего бдения, вышел на амвон настоятель храма и сообщил молящимся, что «Пресвятая Владычица Богородица взяла только что к себе душу нашего любимого пастыря о. Николая Рыжкова», то весь храм наполнился рыданиями прихожан, которые очень полюбили этого скромного труженика Церкви Христовой и оплакивали горькими слезами его кончину.

В то тяжелое время был недостаток в гробах и наскоро сколачивали обыкновенные ящики, придавая им относительную форму и один из таких светлых деревянных ящичков был принесен в нашу квартиру. Я своими руками стала его убирать, как сумела: вниз постелила солому, которую накрыла белой простыней, прибавив последнюю по краям ящика малыми гвоздями, а крышку гроба украсила различными позументами с отцовского облачения. За этим занятием меня застали пришедшие поклониться праху покойного отца женщины, дети и старики, которые стали громко причитать над его гробом и своими причитаниями еще больше растревляли наше и без того тяжелое горе!

Отец в гробу лежал как живой, с улыбкой на устах, только на затылочной части головы проступили синие пятна от кровоизлияния в мозг. Смерть его произошла от воспаления мозговых оболочек — менингита, — болезни тяжелой и редко излечимой. По воле Святого Провидения он скончался от той же самой болезни, как когда-то его молодой отец!

Через 5 дней, а именно 10-го февраля 1920 г. состоялся весьма торжественный обряд отпевания, который совершал епископ в сослужении десяти священников и другого причта. Открытый гроб с останками покойного был при

пени Пасхального канона «Волною морскою» трижды обнесен вокруг храма при огромном стечении молящихся. Затем похоронная процессия медленно направилась к кладбищу Новодевичьего монастыря на Забалканском проспекте⁵⁷, где тело почившего протоиерея Николая было предано земле.

Земной его путь закончился, но память о нем не оскудевала особенно у тех людей, которые имели возможность личного общения с пастырем, который пошел во священники по личному призванию и отдался своей пастырской деятельности с полным порывом чистого, добрейшего и отзывчивого ко всем человеческим нуждам горячего сердца! Многие высказывали даже мнение, что на его могиле со временем не исключаются в последствии чудеса, в виду того, что он в жизни своей обладал исключительным даром молитвы и ходатайства перед Богом!..

Мир его праху и Вечная ему память!

VII

Похоронив горячо любимого отца мы с матерью до весны 1922 года оставались в Петрограде, но жизнь становилась чем дальше, тем тяжелее и мы стремились возвратиться в Прагу, где оставалось все наше имущество.

После долгих и сложных хлопот, сопряженных с большими волнениями и затратами, нам, наконец, удалось получить разрешение на выезд в Чехословацкую Республику, которая образовалась после разгрома Австро-Венгерской монархии в 1918 году.

Тяжело было расставаться с дорогой нам могилкой отца, которую мы и мой дядюшка проф. А.А. Бронзов, оплакивавший особенно моего отца, часто навещали. Покидая Петроград мы могилу оставили на его попечении. В мае 1922 года мы с матерью выехали через Москву и Варшаву в Прагу, причем во время нашего путешествия от Варшавы до Праги нас обокрал международный вор-жулик и мы буквально нищими, не имея никакого багажа, возвратились с матерью в Чехию.

Здесь пришлось искать квартиру и первое время мы существовали на то, что продавали мебель и вещи, которые были нашими друзьями вывезены из нашей прежней пражской квартиры и уложены на хранение.

⁵⁷Сейчас это Московский проспект.

Вскоре по приезде я поступила на Русский юридический факультет, который открылся в Праге, а затем перешла в Пражскую консерваторию. Еще в бытность в Петербурге я была слушательницей Консерватории по классу сольного пения у проф. Терезы Федоровны Лешетицкой⁵⁸, которая также уехала за границу.

В Праге я в 1931 году закончила консерваторию по классу сольного пения с правом преподавания во всех музыкальных школах.

В мае 1937 года чешско-русская общественность почтила память отца по случаю двадцатилетия со дня его смертного приговора тем, что, после торжественного траурного собрания, была освящена и установлена памятная мраморная доска в храме Св. Николая на Староместской площади, настоятелем которого был мой покойный отец до 1914 г.

Эта мраморная доска, на которой выгравированы следующие слова на чешском языке: «Мученик за православную веру и верность славянству протоиерей и настоятель этого храма 1901–1914 гг. о. протоиерей Николай Рыжков 26/IX 1868 – 6/II 1920» находится в нише на левой стороне храма. Перед ней висит лампада с неугасимым огоньком.

С 1945 года, к великому сожалению, в этом храме происходят лишь богослужения чешской национальной Гуситской церкви, а вся утварь нашего православного бывшего храма находится в настоящее время в бывш. профессорском русском доме в Бубенче, Рувельтова 29, где трудами нашего почившего архиепископа Сергия⁵⁹ была сооружена домовая церковь, в которой по сей день совершаются наши православные богослужения.

В церкви на Староместской площади осталась только большая хрустальная люстра (дар императора Александра III) и памятная доска моему отцу...

⁵⁸ Лешетицкая (Лешетицкая-Долинина) Тереза Федоровна (1873 – г. смерти неизв.) — камерная певица (сопрано) и педагог. В 1904–22 гг. преподавала в Петербургской (Петроградской) консерватории (с 1917 г. — профессор), затем преподавала два года в Германии, после чего обосновалась в Париже (профессор Русской консерватории).

⁵⁹ Сергий (Королев), архиепископ (1881–1952) — в 1922–1946 гг. нес пастырское служение в Чехии.

VIII

Когда в 1964 году мне удалось побывать в Ленинграде, то я первым делом стала разыскивать родную мне могилу отца на Новодевичьем кладбище. Но, увы, мои поиски могилы оказались безрезультатными, так как кладбище во время блокады города в страшной второй мировой войне настолько изменилось, что ничего нельзя было определить.

Деревянные кресты со всех могил исчезли, так как были сожжены, а остались только запущенные холмики, заросшие бурьяном и найти могилу было невозможно. Мне было известно, что в могилу отца впоследствии была захоронена его родная сестра, моя тетя Юлия, но затем вся семья Бронзовых трагично погибла: дядюшка погиб в ссылке на Соловецких островах, а мои двоюродные сестры Тамара и Муза погибли во время блокады города от голода и таким образом никого из ближайших родственников в живых не осталось. На самом же кладбище все конторы сгорели от пожара несколько лет тому назад, и таким образом я ничего не смогла добиться.

Покидая с грустью город, в котором протекли мои детские и юношеские годы, я обратилась с просьбой к митрополиту ленинградскому и Ладожскому Никодиму об устройстве памятной витрины моему покойному отцу в здании Ленинградской духовной академии, которая явилась бы как бы заменой его утерянной могилы, на что получила от его преосвященства благословение и разрешение.

В 1966 году памятная витрина протоиерею Николаю Рыжкову была установлена в здании Ленинградской духовной академии трудами заведующего библиотекой и помощником инспектора В.В. Зубкова⁶⁰.

За то, что мне удалось почтить память отца и на его Родине приношу глубокую благодарность митрополиту Никодиму и всем потрудившимся в этом деле.

⁶⁰Зубков Василий Владимирович — родился 13 сентября 1926 г. в деревне Красногорье, Моховского района, Орловской области в семье крестьянина. С 1950 по 1954 гг. обучался в Ленинградской духовной семинарии, с 1954 по 1958 гг. — в Ленинградской духовной академии (ЛДА). С 1958 г. работал в должности помощника заведующего библиотекой ЛДА, с 1963 по 1976 гг. являлся заведующим библиотекой ЛДА.